

*Н. Н. Костровъ, въ 1868 г. издана въ Томскѣ
въ Типографіи Губернскаго Правленія, 1868 г.*

**Путешествіе по Томской губерніи ЕГО
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, Го-
сударя Великаго Князя Владимира Александр-
овича въ Іюнь и Іюль мѣсяцахъ 1868 г.**

Соч. Кн. Н. Кострова.

Томскъ

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1868

Съ дозволенія цензуры.

I.

Въ мѣзъ мѣсяцѣ сего года въ Томскѣ получено официальное извѣстiе, что Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь Владимиръ Александровичъ, намѣренъ удостоить своимъ посѣщенiемъ Западную Сибирь и 8 Юля прибудетъ въ Томскъ.

До сего времени Сибирь только однажды имѣла счастье видѣть у себя царственнаго гостя: Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи Наслѣдникомъ — Цесаревичемъ, впервые удостоилъ своимъ посѣщенiемъ въ 1837 году города Тобольскъ и Тюмень. Это была эпоха для Сибири, эпоха, которая уже и теперь, по прошествiи тридцати лѣтъ, вошла въ кругъ тѣхъ народныхъ сказанiй, которыя, передаваясь изъ рода въ родъ, обыкновенно, составляютъ самыя свѣтлыя и отрадныя страницы въ исторiи. По этому вполне понятно, съ какимъ всеобщимъ, безграничнымъ восторгомъ встрѣтила Томская губернiя радостную вѣсть о путешествiи Великаго Князя Владимира Александровича.

Маршрутъ этаго путешествiя показывалъ, что Его Высочество прибудетъ на границу Томской губернiи, въ г. Усть-Каменогорскъ, 19 Юля; а потому Начальникъ Томской губернiи просѣшилъ отпрать туда для встрѣчи Высочаго Посѣтителя, и 17 Юня былъ уже въ Усть-Каменогорскъ.

18 Юня съ утра пронесся здѣсь слухъ, что Великий Князь будетъ непременно въ этотъ день, т. е. сутками ранѣе времени, назначенна-

го по маршруту. Уединенный, сонный Усть-Каменогорск оживился, какъ предъ наступленіемъ великаго праздника. Въ этотъ же самый день было молебствіе о рожденіи Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Николая Александровича, и по этому случаю долженъ былъ производиться цѣлый день колокольный звонъ. Около 12 часовъ на колокольнѣ зазвонили и это простое обстоятельство привело въ сильное движеніе все населеніе города. Всемъ вообразилось, что Великій Князь ѣдетъ, что Онъ уже близко. Около 2 часовъ по полудни близъ квартиры Его Высочества, въ домъ куща Касаткина, стоялъ уже наготовѣ почетный караулъ. Въ 2 часа пріѣхало два экипажа съ кухнею Великаго Князя и все бросились справляться, гдѣ Его Высочество и скоро ли прибудетъ. Оказалось, что эти два экипажа отправились изъ Семипалатинска 17 Юня въ 8 часовъ вечера, а Великій Князь оставался еще тамъ... Время проходило въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Было уже 11 часовъ ночи, а желаннаго гостя все еще не было. Въ началъ 12-го прискакалъ съ послѣдней станціи по направленію отъ Семипалатинска нарочный съ извѣстіемъ, что Великій Князь ѣдетъ, но гдѣ—этого онъ объяснить не могъ. Скоро за нимъ явился другой съ вѣстью, что когда онъ уѣзжалъ съ послѣдней станціи, то подъ экипажъ Его Высочества запрягали уже лошадей. Въ одну минуту дворецъ и весь городъ освѣтился иллюминаціей. Напротивъ дворца вспыхнулъ вензель Великаго Князя и здѣсь, на пространной площади, собралось все населеніе Усть-Каменогорска. Безъ четверти въ 12 часовъ прибылъ наконецъ Великій Князь. Его Высочество сопровождали: Генераль-Адъютантъ Графъ Перовскій, Контръ-Адмираль

Бокъ, Флигель-Адъютантъ Полковникъ Литвиновъ, докторъ Эикгофъ, Академикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Миддендорфъ и Секретарь Надворный Совѣтникъ Сытинъ. Эти лица составляли собственно свѣту Великаго Князя. Кромѣ того, Его Высочество сопровождали Генераль-Губернаторъ Западной Сибири Генераль-Лейтенантъ Хрушовъ, Военный Губернаторъ Семипалатинской области Генераль-Маіоръ Полторацкій и нѣкоторыя другія лица.

При восторженныхъ, много разъ повторяемыхъ крикахъ «ура», Великій Князь вышелъ изъ экипажа, благосклонно принявъ поднесенную Ему жителями хлѣбъ соль, поздоровался съ солдатами и за тѣмъ отправился во внутреннія комнаты дворца, гдѣ тогдаже былъ представленъ ему Томскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Родзянко.

Во время обѣда или, лучше сказать, ужина, который происходилъ въ слѣдъ за-этимъ и на которомъ присутствовали все поименованныя выше лица, народъ не расходился отъ дворца. Въ тотъ же вечеръ Великій Князь рѣшилъ, что обратное пути изъ Зырянскаго рудника, куда отправляется завтра въ 9 часовъ утра.

Мѣстность между Усть-Каменогорскомъ, Бухтармою и Зырянскимъ рудникомъ, которую надлежало проѣхать Великому Князю, считается одною изъ самыхъ живописныхъ на Алтаѣ. Къ сожалѣнію, постоянно неблагоприятная погода препятствовала видѣть ее во всей ея красотѣ и грозномъ величіи.

19 Іюня, почти съ разсвѣтомъ, небо покрылось облаками и черезъ каждыя четверть часа начиналъ идти дождь. Въ 9 часовъ поѣздъ Великаго Князя тронулся въ путь и скоро прибылъ въ деревню Согру, первое селеніе Томской

губерніи. Согрою вообще называютъ въ Сибири мѣстность болотисто кочковатая, поросшая мелкимъ березовымъ лѣсомъ. Деревня Согра именно и занимала такую мѣстность. Пока перепрягали здѣсь лошадей, Великій Князь принялъ хлѣбъ-соль и посѣтилъ церковь. Народъ собрался во множество и восторженно привѣтствовалъ Его Высочество. Недалеко за Согрой, поѣздъ переправился черезъ рѣку Ульбу, а сейчасъ за переправой узкая полоса дороги протянулась все на гору и на гору, представляя по временамъ чудные альпійскіе виды. Небо, прояснившееся во время переправы черезъ Ульбу, нахмурилось снова и пошелъ сильный дождь, который испортилъ всю дорогу. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни Феклистовой, на пасекѣ полковника Шайтанова, былъ приготовленъ завтракъ, и здѣсь, около 12 часовъ, поѣздъ остановился для перемѣны лошадей.

Отсюда до станціи Сѣверной дорога уже не такъ гориста, хотя также живописна. Сопутствующія ей горы, большею частію, безлѣсны и открываютъ прелестные виды. Сѣверная-небольшая, но чистенькая деревня, пріютившаяся у горъ. Великій Князь прибылъ сюда въ 5 часовъ по полудни и принялъ отъ жителей хлѣбъ-соль.

Сей-часъ же за станціей Сѣверной начинается подъемъ на значительную гору, извѣстную подъ именемъ Основой. Она совершенно безлѣсна. Спускъ съ нея весьма длиненъ и крутъ. За тѣмъ, только что спустившись, вы снова должны подниматься на гору, называемую Сѣделкой, и за тѣмъ опять предстоитъ ужасный спускъ. Взглянешъ внизъ—кружится голова; взглянешъ вокругъ—однѣ безлѣсныя горы съ разстилающимися между ними равнинами. Иногда солнце выходило изъ облаковъ и,

освѣщая эти равнины, придавало какой-то особенно-мягкій колоритъ ихъ зелени, увлажненной дождемъ. Между множествомъ другихъ цвѣтовъ, свойственныхъ Алтайской флорѣ, на долинахъ особенно много красовалось желтыхъ лилій, бареккой спѣси и бѣлой розы.

Въ пяти верстахъ отъ станціи Александровской, дорога стуживается и идетъ ущельемъ или щелями. Справа и слѣва она стѣнена громадными скалами, то желтыми, то сѣрыми, въ иныхъ мѣстахъ совершенно обнаженными, въ иныхъ поросшими мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ. Это ущелье чрезвычайно живописно и можетъ стать на ряду съ самыми лучшими мѣстностями Алтая, столь богатаго превосходными видами. Въ иныхъ мѣстахъ горы сажень на 50 и болѣе отвѣсно возвышаются надъ узкою полоскою дороги. Не рѣдко, далеко на верху, нависла огромная глыба гранита и, кажется, стоитъ только небольшого сотрясенія, чтобы она низринулась съ вышины и въ одно мгновеніе уничтожила дерзкаго путешественника. А что подобные случаи возможны, то это доказываетъ самая полоса дороги, усыпанная острыми осколками каменныхъ глыбъ, рухнувшихъ сверху. Во многихъ мѣстахъ небольшія гранитныя скалы, отдѣляясь отъ общей массы горъ, представляютъ чрезвычайно фантастическія изображенія людей и звѣрей.

У самой станціи Александровской ущелье оканчивается. Отсюда до Бухтарминской крѣпости тянется обыкновенная пересѣченная мѣстность, обрамленная безлѣсными горами.

Бухтарминскъ или Усть-Бухтарминская крѣпость, называемая иначе Плитняжною, принадлежитъ къ самымъ южнымъ пунктамъ Томской губерніи, Бійскаго округа. Она находится подъ 49° 36' с. ш. и 101° 14' в. д. Бухтарминскомъ

она называется потому, что лежитъ на р. Бухтармѣ, одномъ изъ значительныхъ притоковъ Иртыша; Усть-Бухтарминскою потому, что въ двухъ верстахъ отъ селенія Бухтармы впадаетъ въ Иртышъ; Плитняжною потому, что крѣпость устроена у громадныхъ каменныхъ горъ, состоящихъ изъ плитъ гранита. Мѣстность ея возвышена надъ уровнемъ рѣки на 56 футовъ.

Бухтарминская крѣпость была заложена въ 1791 году для охраненія открытаго тогда богатого серебрянаго рудника Зырянскаго. Вообще она входила въ число укрѣпленій, составлявшихъ Иртышскую линію. Докторъ Мейеръ, бывшій въ этихъ мѣстахъ около 1810 года, нашелъ, что она мала, состояла изъ нѣсколькихъ домовъ, комендантскаго дома, казармъ, магазиновъ и т. п., съ валомъ, рвомъ и кирпичными воротами, обращенными на западъ. Большая часть обывателей жила тогда внѣ крѣпости на примыкающей съ сѣвера долинь, обнесенной и защищенной рогатками; въ домъ, госпиталь, таможню, провіантскіе магазины, даже церковь во имя С. Екатерины были деревянные. Жители, числомъ до 800, по преимуществу военные; почти все, для нихъ необходимое, доставляли прѣзжіе торговцы. Они выгодно сбывали свои товары, начиная съ Ирбита на Уралѣ до сего мѣста, и на эти товары вымѣнивали произведенія здѣшняго края, какъ то: медь, воскъ, холстъ и китайскіе товары. Впрочемъ, товаровъ этихъ привозилось сюда не много съ озера Зайсана, — ибо это было китайское жалованье пограничныхъ войскъ, состоявшее изъ низшихъ сортовъ чаю, грубаго фарфора, табаку, шолковыхъ матерій и пр. Рыбу жителямъ доставлялъ Иртышъ; строевой лѣсъ привозили они издалека. Мейеръ встрѣтилъ здѣсь только двухъ осѣдлыхъ купцовъ.

Товары ихъ были чрезвычайнаио дороги.—Послѣ того, какъ былъ здѣсь Мейертъ, прошло болѣе 50 лѣтъ; но Бухтарминская крѣпость едва ли чѣмъ либо улучшилась, не смотря на то, что имѣла для этаго подъ руками все средства.

Крѣпость эта занимаетъ одинъ изъ лучшихъ пунктовъ Бухтарминской долины. На основаніи данныхъ, представляемыхъ въ своихъ замѣткахъ Спасскимъ и Мейеромъ, Риттеръ замѣчаетъ, что положеніе крѣпости—на возвышенномъ правомъ берегу Бухтармы, вблизи судоходнаго Иртыша. Угесистые, гранитные берега, черныя сланцевыя и известняковыя горы вокругъ, зеленныя лѣсистыя высоты, плодородная земледѣльческая почва, стройныя стволы тополей и другихъ лиственныхъ деревьевъ по берегамъ рѣки, успѣхи просѣщенія,—все это здѣсь, вблизи однообразной степи, придаетъ особенную прелесть обширной долинѣ Бухтарминской. Весна здѣсь болѣею частию пріятна и прекрасна; лѣто обыкновенно жарко и сухо; осень продолжается до половины Ноября; зимы не слишкомъ суровы и ртуть рѣдко, и то не на долго, ниспадаетъ на 25°. Но бичъ здѣшняго края—комары или мошки—такъ тягостны, что отъ Мая до Сентября нельзя выходить безъ сѣтки на головѣ, хотя впрочемъ замѣчаютъ, что количество ихъ уменьшается съ успѣхомъ культуры страны. Народонаселеніе постоянно увеличивается. Земледѣліе преуспѣваетъ здѣсь; почва никогда не удобряется, а жатва доставляетъ всегда самъ-десять; скотоводство значительно, такъ какъ до сихъ поръ сибирская язва на рогатый скотъ сюда еще не проникала.—Все это справедливо относительно деревень, раскинутыхъ по Бухтарминской долинѣ, но не должно принимать, что вышеозначенная замѣт-

ка знаменитаго географа относится вполне и къ Бухтарминской крѣпости.

Изъ статистическихъ свѣденій видно, что въ настоящее время число жителей этой крѣпости простирается только до 500 душъ обоюго пола: духовнаго званія 11 душъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 21, а за тѣмъ остальные-казаки, мѣщане и разночинцы. Всѣхъ домовъ до 150, изъ которыхъ два казенныхъ, до 10 принадлежащихъ разночинцамъ, а остальные казакамъ. Кромѣ того, въ Бухтарминской крѣпости находится зданіе военнаго лазарета, казармы для помѣщенія нижнихъ чиновъ, провіантскій магазинъ, артиллерійскій складъ и пороховой подвалъ, изъ котораго пользуются порохомъ всѣ занимающіеся заѣропромышленностію. Церковь деревянная, на каменномъ фундаментѣ. Хлѣбопашествомъ занимается не болѣе $\frac{1}{5}$ всего населенія, засевая до 100 десятинъ. Это количество воздѣлываемой земли не обезпечиваетъ продовольствіемъ всѣхъ жителей, а потому они ежегодно покупаютъ хлѣбъ въ соседнихъ деревняхъ. Нѣкоторые сѣютъ въ небольшомъ размѣрѣ ленъ для домашняго употребленія, но онъ плохо родится. За то здѣсь много дикорастущей конопли, но она не составляетъ особой статьи мѣстной промышленности. Сѣно жители заготавливаютъ только для рабочихъ лошадей и дойныхъ коровъ, а остальной скотъ всю зиму пасется на подожномъ корму по горамъ или, какъ зѣсь говорятъ, сонкамъ. Добыча лѣса и рубка дровъ производится поюжной сторонѣ Иртыша, въ кочевьяхъ киргизовъ. Пчеловодство здѣсь также ничтожно, между тѣмъ, какъ въ соседнихъ селеніяхъ оно, можно сказать, въ самомъ удовлетворительномъ состояніи, доставляя занимающимся имъ значительныя выгоды. Чтобы убѣдиться въ этомъ,

достаточно сказать, что мелкіе промышленники скупаютъ въ этихъ деревняхъ ежегодно до десяти и болѣе тысячъ пудовъ меду, цѣною отъ 4 до 5 р. за пудъ, и болѣе 2-хъ тысячъ пудовъ воску, цѣною отъ 17 до 20 рублей за пудъ.

Равнодушіе къ своей собственной пользѣ, при значительной долѣ лѣности, — составляютъ едвали не характеристическую черту населенія Бухтарминской крѣпости. Кромѣ того, киргизы жалуются, что оно иногда слишкомъ произвольно обращается съ ихъ собственностію.

Между тѣмъ, Бухтарминская крѣпость занимаетъ необыкновенно благопріятное положеніе для прямаго сообщенія между Западною Сибирью и Китаемъ чрезъ самыя сѣверныя части области Гань-су. По замѣчанію Риттера, здѣсь не было бы ни какого вмѣшательства другихъ народовъ, какъ на пр. киргизовъ, а кромѣ того и Бухтарминскъ былъ бы ея центральнымъ рынкомъ. Большое преимущество этого направленія торговли предъ кяхтинскою дорогою также ясно, потому что послѣдняя значительно удлинняетъ перевозъ товаровъ. Это очень вѣрно замѣтилъ еще Спасскій. «Бухтарминская крѣпость, говоритъ Геденштромъ, несравненно большую представляетъ удобность для торга съ Китаемъ, чѣмъ Кяхта. Отъ западныхъ провинцій Китая она ежели не ближе, то почти въ такомъ же разстояніи, какъ Кяхта отъ Пекина, но 2000 верстами ближе Кяхты къ Россіи и стоитъ на судоходной рѣкѣ. Неоспоримо, что китайское правительство безъ сильныхъ побудительныхъ причинъ едвали согласится перевести торгъ изъ Кяхты въ Бухтарму здѣсь затруднительно было бы торговать Маймачинскимъ купцамъ, потому что они изъ восточныхъ провинцій Китая, а къ Бухтармѣ

прилегаютъ только западныя ея области. Но очевидная выгода для России заставляетъ желать перевода сюда или въ ближайшій Семипалатинскъ сего торга. Кроме ближайшаго отъ яморокъ разстоянія, вѣроятно, и учрежденіе торга на новомъ мѣстѣ, сопровождено было бы выгоднѣйшимъ его установленіемъ и порядкомъ. Конечно, трудно сего достигнуть. Потребно, чтобы капиталисты наши согласились для будущей пользы открыть сию торговлю пожертвованіемъ на вѣкоторое время своихъ выгодъ. Потребно довести Китайскихъ купцовъ западныхъ провинцій до того, чтобы они рѣшились исходатайствовать у своего правительства—дорогими средствами—дозволеніе на столь же важную торговлю, какъ на Кяхту, — чего достигнуть можно не иначе, какъ приманить ихъ лучшею добротой товаровъ по цѣнѣ низшей той, за которую они ихъ получаютъ чрезъ Кяхту отъ Мѣиачинскихъ купцовъ. Выгоднѣйшую, особенно для Сибири, статью торга съ китайцами на Бухармѣ могли бы составлять хлопчатая бумага, бумажныя простыя ткани, какъ то дабы и китанка, могли бы тогда выдѣлываться въ самой Сибири и множество бродягъ, ссылаемыхъ нынѣ сюда, употреблять съ пользою. Въ Иркутскѣ, гдѣ содержаніе дороже, нежели въ Западной Сибири, сдѣланъ былъ тому опытъ Губернаторомъ Цейдлеромъ. Изъ китайской хлопчатой бумаги вытканы были дабы лучшей доброты и большей мѣры, нежели получаемыя изъ Китая, и они обошлись почти въ одной цѣнѣ. Въ Сибири, особенно въ Иркутской губерніи, гдѣ почти вовсе не сѣется льна, дабы употребляются простымъ народомъ на рубашки; почему заведеніе бумажныхъ фабрикъ въ Сибири изъ дешевѣйшей китайской и бухарской хлопчатой бумаги было бы

весьма выгодно и полезно для цѣлаго края. Все это было писано лѣтъ тридцать слишкомъ тому назадъ:—однакожь, ни тогда, ни послѣ не извлечено еще ни какой выгоды изъ счастливаго положенія Бухтарминска.

Окрестности Бухтарминска замѣчательны въ археологическомъ отношеніи. На одной изъ скалъ р. Бухтармы есть слѣды какъ бы конскаго копыта и человѣческой ступни. Преданіе говоритъ, что будто бы какой—то богатырь, преслѣдуемый врагами, поднялся сюда на лошади и совершилъ счастливый скачекъ чрезъ широкую Бухтарминскую долину; на противъ, нѣкоторые утверждаютъ, что эти слѣды изсѣчены въ недавнее время при постройкѣ крѣпости. Мейеръ не могъ узнать навѣрное, существовали ли эти слѣды до населенія Русскихъ;—Спасскій говоритъ, будто бы это двѣ человѣческіе ступни, одна въ 5, а другая въ 2½ вершка величины. Киргизы называли это «Адамовымъ шагомъ» и оказывали особое почитаніе памятнику, который казался имъ столь же древнимъ, какъ и самое вѣрованіе. На равнинѣ, между гранитными горами, есть также много старинныхъ чудесныхъ могилъ, свидѣтельствующихъ о прежней густотѣ народонаселенія здѣшняго края въ древнѣйшія времена, подтверждаемой также и горнымъ дѣломъ. Большая часть здѣшнихъ рудоконень была уже давно открыта. Подлѣ нѣкоторыхъ Мейеръ видѣлъ еще камни съ грубо на нихъ изсѣченными и впрочемъ едва примѣтными человѣческими лицами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи къ востоку отъ Бухтарминска въ тамошнихъ известковыхъ горахъ, совершенно лишенныхъ окаменѣлостей, Спасскій нашелъ пещеры, лежащія въ разстояніи 1½ версты отъ сѣвернаго берега Бухтармы, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ прежде нахо-

дились неизвѣстныя письма, которыя, однакоже говорятъ, стерлись отъ времени. Стѣны пещеръ хотя и гладки, но образованы, какъ кажется, самою природою, а отъ писемъ оставались только неразборчивые слѣды на наружныхъ стѣнахъ известковыхъ гротовъ. Немного позже Спасскаго, и Мейеръ совершилъ поѣздку къ этимъ горамъ. Здѣсь онъ видѣлъ двѣ малыя, сами по себѣ незначительныя пещеры, изъ коихъ одна была закончена дымомъ и сажею. Изъ немногихъ остатковъ надписи, сочиненной на манджурскомъ языкѣ, толмачи заключили только о насмѣшкахъ надъ Русскими и потому, говорятъ, что извѣстный путешественникъ Клапротъ нарочно уничтожилъ эти остатки.

Великій Князь прибылъ въ Бухтарму въ 10 часовъ вечера. Небо совершенно прояснилось и луна свѣтила полнымъ своимъ блескомъ. Несмотря на то, здѣсь вездѣ горѣли костры. Помѣщеніе для Великаго Князя было ярко освѣщено. Послѣ поднесенія жителями хлѣба-соли, Его Высочество здѣсь ужиналъ и потомъ отправился далѣе.

Миновавъ станцію Таловку, поѣздъ передъ восходомъ солнца прибылъ на переправу черезъ рѣку Бухтарму, отъѣхавъ такимъ образомъ отъ Бухтарминской крѣпости 40 верстъ.

Бухтарма—правой притокъ Иртыша—образуется изъ трехъ истоковъ, соединяющихся въ одну рѣку у китайскаго пикета Чиндегета. Верхняя часть рѣки Бухтармы находится въ китайскихъ предѣлахъ и извѣстна подъ именемъ Буруль. Въ средней части своего теченія, отъ устья Береля до окрестностей Зырянскаго рудника, Бухтарма течетъ по прекрасной продольной долинѣ между параллельными цѣпами Алтайской горной системы. Здѣсь, близъ

устья р. Березовки, было приготовлено нѣсколько паромовъ и всѣ экипажи въ одинъ мигъ переправлены на другую сторону Бухтармы. Паромъ, приготовленный для Великаго Князя, былъ весь устланъ коврами. Рѣка Бухтарма весьма быстра и въ мѣстѣ переправы имѣеть до 80 сажень ширины. Окрестные горы были покрыты утреннимъ туманомъ и походили на деревеньки, въ которыхъ топяся избы.

Солнце поднялось довольно высоко и день съ самаго утра обѣщаль быть жаркимъ, хотя тучи безпрестанно ходили по небу. Отъ переезда чрезъ Бухтарму до деревни Ключихи всего 10 вер. и это пространство поѣздъ Великаго Князя миноваль весьма быстро. Несмотря на раннюю пору (было еще часовъ 5 утра), всѣ улицы небольшой деревни Ключихи были наполнены народомъ, такъ что многіе, по недостатку мѣста, чтобы хоть издали взглянуть на экипажъ Великаго Князя, если не на Него самого, взлѣзали на заборы и на крыши домовъ. Какъ мужчины, такъ и женщины были одѣты въ самыя лучшія праздничныя платья. Отъ Ключихи до Зыряновскаго рудника мѣстность волнистая. Куда не взглянешь—вездѣ однѣ безлѣсныя горы.

Въ Зыряновскій рудникъ Его Высочество прибылъ 20 Іюня въ 7 часовъ утра.

Зыряновскій рудникъ, нынѣ самый знаменитый на Алтаѣ, открытъ въ 1791 г. по старымъ чудскимъ шурфамъ работникомъ Герасимомъ Зыряновымъ, который былъ отправленъ изъ Бухтарминскаго рудника, нынѣ уже не существующаго, на охоту за оленями. По имени открывателя, онъ и получилъ свое названіе. Остатки чудскихъ работъ оказались при разработкѣ рудника и состояли, между прочимъ, изъ рудныхъ отваловъ и изъ остатковъ полузарос-

шаго, однакоже мѣстами еще углубленнаго до двухъ локтей рва, цѣль котораго, впрочемъ, трудно было опредѣлить. Этотъ рудникъ, по измѣренію Д-ра Геблера, лежитъ на высотѣ 1517 ф. надъ уровнемъ моря, въ болотистой долинѣ рѣчки Маслянки, почти при самомъ соединеніи ея съ Березовкою, впадающею въ Бухтарму. Горы, окружающія зырянскую долину, безлѣсны и пустыны. По отзыву профессора Щуровскаго, онѣ все состоятъ изъ сѣраго глинистаго сланца, переходящаго въ хлоритовый. Самая близкая порфировая гора Оструха находится въ трехъ верстахъ отъ рудника а ближайшая гранитная Орель—въ восьми. Мѣсторожденіе рудника представляетъ рудную массу сажень 170 длины и отъ 3 до 15 ширины, залегающую въ зеленомъ сланцѣ. Выше замѣчено, что этотъ рудникъ нынѣ самый знаменитый на Алтаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее 25-ти лѣтіе онъ постоянно доставлялъ болѣе 70% всего алтайскаго серебра. Среднимъ числомъ зырянскія руды содержатъ отъ 4 до 6 золотниковъ золотистаго серебра и около 20% свинца. По неизмѣннѣ лѣсовъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, зырянскія руды отправляются сперва по Бухтармѣ и Иртышу, а потомъ сухопутно для славки на заводы Змѣевскій, Локтевской, Павловскій и Барнаульскіи.

Селеніе Зырянское обстроено довольно порядочно. Въ немъ до 700 домовъ и до 5 т. д. обоюго пола.

Прибывъ въ Зырянскъ, Великій Князь остановился прямо у церкви. Это деревянное, но довольно хорошее зданіе. Оттуда Его Высочество отправился во дворецъ, передъ которымъ Его ожидали почетный карауль, ординарцы и четыре человека волостныхъ старшинъ съ хлѣбомъ—солью. Изъ послѣднихъ два,

уже оставивши службу, были въ почетныхъ кавалерахъ. Великій Князь милостиво принялъ съ ними дѣльцо — соль и поздоровался съ народомъ, который высыпалъ толпами взглянуть на сына освободителя ихъ отъ крепостнаго состоянія.

Должно замѣтить, что горнозаводскіе крестьяне, до введенія здѣсь мировыхъ учреждений, были почти на озбѣхъ и тѣхъ же правахъ, какъ и помѣщичьи. Введеніе мировыхъ учреждений въ Алтайскомъ горномъ округѣ относится къ 1863 году.

Въ 9 часовъ Великій Князь обозрѣвалъ штольни Зырянскаго рудника, Ихъ двѣ — одна старая и заложена въ 1815 году, другая новая (Александровская), въ 1846 г. Въ шахтахъ первой много воды. Для отлива ея устроена весьма интересная машина съ проводомъ наливнаго колеса, имѣющаго 9 ар. въ диаметръ. Его Высочество былъ во всѣхъ 12 этажахъ рудника.

Въ 11 часовъ у Великаго Князя былъ завтракъ, а въ 6 часовъ обѣдь. Въ 10 часовъ вечера Его Высочество пустился въ обратный путь на Верхнюю пристань Иртыша, по рудовозному тракту. Такъ какъ жилыхъ мѣстъ на этомъ пространствѣ (около 70 верстъ) нѣтъ, то лошадей для перемѣны выставляли сюда крестьяне изъ околныхъ селеній, извѣстные подъ именемъ *Каменьщиковъ*. Это были бѣглые поселенцы, преимущественно раскольники, самовольно основавшіе въ XVIII вѣкѣ нѣсколько деревень во внутренности Алтая на Верхней-Бухтармѣ и Катунѣ. Каменьщики прощены и приняты снова въ русское подданство Екатериною II въ 1791 г.

При отъѣздѣ Великаго Князя изъ Зырянскаго рудника, весь народъ провожалъ Его

съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Видъ былъ чудесный. Казалось, что въ тихую весеннюю ночь толпы поселянъ шли отъ заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье.

Дорога изъ Зырянскаго на Верхнюю пристань Иртыша сначала идетъ довольно широкою долиною между славцевыми горами. Гранитная гора Орель остается въ лѣвой сторонѣ. По замѣчанію профессора Щуровскаго, здѣшнія мѣста своею бесплодностію и безлѣсіемъ живо напоминаютъ степь; ни гдѣ не видно ни одного дерева. Луна—полная и ясная—около двухъ часовъ ночи подернулась облаками и погода угрожала снова перемениться. Это, къ сожалѣнію, сбылось. Въ 4 часа утра 21 Іюня повоздъ Великаго Князя прибылъ на Верхнюю пристань, куда сухопутно доставляется изъ Зырянска руда, для сплава ея далѣе, по назначенію, водою.

На Верхней пристани оказалось нѣсколько судовъ для сплава рудъ и два карбазы для путешествія Его Высочества. На обоихъ карбазѣхъ были устроены хорошія палатки. На томъ, гдѣ долженъ былъ находиться Великій Князь, развѣвался Его штандартъ. Конечно, берега Иртыша въ первый разъ увидѣли здѣсь флагъ русскаго Великаго Князя.

Линь только отплыли, какъ пошелъ сильный дождь, который не давалъ покоя до 12 часовъ утра. Въ 9 часовъ проходили недалеко отъ Бухтарминской крѣпости; но ея невиднo было за туманомъ. Однакожь, съ нея завидѣли велико-княжескій флагъ и крѣпость салютовала ему 21 выстрѣломъ. Въ 12 часовъ прояснилось, но не надолго. Скоро пошелъ снова дождь и это, къ сожалѣнію, помѣшало любоваться прекрасною мѣстностію, которая представлялась на каждомъ шагѣ.

Верхнее теченіе Иртыша находится все въ предѣлахъ Китая, гдѣ эта рѣка извѣстна подъ именемъ Чернаго Иртыша; среднее—простирается отъ выхода его изъ озера Зайсана до Известковаго редута, въ верстахъ во 100 ниже Семипалатински. До устья Бухтармы горы только мѣстами приближаются къ Иртышу; въ 5 верстахъ ниже этого устья, Иртышъ вступаетъ въ дикое ущелье, которое продолжается до самаго Усть-Каменогорска, на разстояніи почти 130 верстъ. Ширина его въ этомъ мѣстѣ не болѣе, какъ 70 и 100 сажень. Горы, стѣсняющія здѣсь могучее теченіе рѣки, отчасти совершенно безлѣсны и покрыты успокоительною для глаза зеленью, ярко отражающеюся въ водѣ, отчасти состоятъ изъ громадныхъ массъ сѣраго гранита, зубчатыхъ, изорванныхъ, острыхъ, которыя какъ стѣна, высятся надъ водою. Въ ущельѣ есть пороги, а именно скалы, извѣстныя подъ названіемъ Семь братьевъ. Ниже устья р. Огневки, одинъ изъ береговыхъ утесовъ, извѣстный подъ названіемъ Пѣтуха, замѣчательнъ по своему эху, повторяющему многократно пѣсни славщиковъ плотовъ.

Во время плаванія по Иртышу, Великій Князь нѣсколько разъ стрѣлялъ въ дикихъ утокъ и куликовъ, когда они находились въ надлежащемъ разстояніи отъ карбаза.

Около 6 часовъ вечера небо прояснилось и солнце засіяло полнымъ своимъ блескомъ. Два часа спустя, оба карбаза находились уже въ виду нижней пристани на Иртышѣ близъ самаго Усть-Каменогорск. Вдругъ на чистомъ голубомъ небѣ надъ самою крѣпостью появилось небольшое синее облачко; виѣсть съ нимъ блеснула молнія—и раздался выстрѣлъ. Горы и противоположные берега Иртыша повторили его стократнымъ эхомъ. . . . Еще об-

лачко и молнія и опять выстрѣлъ: это былъ салютъ флагу Великаго Князя. Можетъ быть, прошло около столѣтїя, какъ Усть-Каменогорскъ не слышалъ выстрѣловъ своей крѣпости.

Въ 9 часовъ вечера Великій Князь сошелъ на берегъ и, сѣвъ въ экипажъ, отправился въ крѣпость. Здѣсь Его Высочество посетилъ единственную православную церковь въ Усть-Каменогорскѣ, былъ въ арестантской ротѣ, въ казачьемъ училищѣ и потомъ, проѣхавъ черезъ городъ, удалился во дворецъ.

Усть-Каменогорскъ, какъ показываетъ уже и самое его названіе, означаетъ городъ, находящійся у устья каменныхъ горъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь громада каменныхъ горъ оканчивается и Иртышъ, выходя изъ ущелья, котормъ неся отъ самой Бухгармы, становится мгновенно шире, медленнѣе и въ тоже время образуетъ многіе острова и отмели. Горы, подъ которыми лежитъ Нижняя—пристань, близъ рѣки оканчиваются перпендикулярнымъ обрывомъ.—Основаніе Усть-Каменогорска относится къ 1720 году. Онъ заложенъ Генераломъ Лихаревымъ, который отправленъ былъ Петромъ Великимъ въ Сибирь съ особыми порученїями. Въ настоящее время это небольшой городокъ болѣе съ азіатскою, чѣмъ съ европейскою фізіономїей. Татарская и киргизская рѣчь слышна здѣсь на каждомъ шагу. Торговли нѣтъ почти ни какой, хотя капиталовъ считается 1-й гильдіи-1 и 2-й-32. Число жителей простирается до 4 тысячъ.

II.

Мѣсячное путешествіе по Томской губерніи Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Владиміра Александровича,

можно угодить народному празднеству, которое длилось 30 дней. Для того, чтобы это празднество было какъ можно торжественнѣе, народъ употребилъ все свои силы и все свои средства и сдѣлалъ все, что только умѣлъ сдѣлать и что могъ сдѣлать. Для встрѣчи Великаго Князя, улицы въ селеніяхъ, какъ въ Троицкѣ день, были обставлены зелеными березами, усыпаны пескомъ; дома украшены разноцвѣтными флагами; въ самыхъ домахъ, гдѣ даже не предполагалось остановокъ Его Высочества, портреты Государя Императора и Государыни Императрицы были помѣщены между старинными, прародительскими образами; путь, по которому Великій Князь долженъ былъ пройти отъ своего экипажа до церкви или до дома, гдѣ могъ остаться только нѣсколько минутъ, устилался лучшими цвѣтами, лучшими платками; лучшими коврами и холстами. Лишь только Его Высочество ступалъ или легко дотрогивался ногою до цвѣтовъ, платковъ, ковровъ, холстовъ,—все это внезапно убиралось. Теперь, эти запыленные и увядшіе цвѣты находятся за образами, а все прочее хранится въ сундукахъ и будетъ передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ заветная святыня.

22 Іюня въ 9 часовъ утра Великій Князь выѣхалъ изъ Усть-Каменогорска по направленію къ Змѣиногорску.

Едвали не все населеніе этого города и множество народа, собравшагося изъ дальнихъ деревень, провожало Его Высочество верхомъ до первой станціи—Согры. О ней упомянуто уже выше.

Отъ Усть-Каменогорска до Змѣиногорскаго завода и рудника 220 верстъ.

День былъ безоблачный и жаркій.

Путь, предстоявшій Великому Князю на

этомъ небольшомъ пространствѣ, былъ очень замѣчателенъ. Члнъ шелъ не по обыкновенной почтовой мѣстности, но пересѣкалъ ее нѣсколь-ко разъ. Это та чудная долина, которая обыкновенно разстилаются у подножія такихъ горъ, какъ Алтай. Эта долина, начинаясь отъ Утъ-Каменогорска, оканчивается деревней Саушкиной и извѣстнымъ алтнйскимъ озеромъ Колыванскимъ. Великій Князь это небольшое пространство пробѣхалъ скоро. На Верхне-Убинской станціи Его Высочество былъ въ 4 часа; въ Кабановой въ 10 часовъ; въ Плоской въ 12 ть, а въ 4 часа утра 23 Іюня прибылъ въ Змѣевъ.

Населеніе этой мѣстности довольно разнообразно. Впрочемъ, главный элементъ его—поляки или, лучше сказать, ополяченные бѣлоруссы, сосланные сюда во время Императрицы Екатерины II. Они не сохранили уже ни какихъ воспоминаній о прошломъ, но нарядъ ихъ довольно замѣчателенъ, въ особенности нарядъ женщинъ: онѣ вышивають шелкомъ и бумагою оплечья, нагрудники, полотенца и вообще все то, что только можно вышить бумагою,—до того хорошо, что надо удивляться этой работѣ. Многія дѣвушки носятъ въ косахъ просверленные пятачки времени Екатерины.

Змѣиногорскій или Змѣевскій рудникъ—одинъ изъ самыхъ старинныхъ на Алтай. Онъ открытъ по старымъ чудеснымъ копиямъ извѣстнымъ Акинфіемъ Демидовымъ въ 1736 г. Сохранилось преданіе, что въ прежнее время здѣсь было столько змѣй, что не было почти возможности работать: это обстоятельство и дало самое названіе руднику. Палласъ, посѣтившій его въ 1771, называетъ вѣнцомъ всѣхъ Сибирскихъ рудниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, со времени перехода его отъ Демидова въ казну, т. е. съ 1745 г., онъ доставилъ до 54 т. п.

серебра, т. е. около половины всего серебра, добытаго на Алтаѣ. Рудная, или Змѣевская гора образуетъ отдѣльную цѣпь, которая простирается отъ юго-востока къ сѣверо-западу и имѣетъ до 300 сажень длины. Съ востока, юга и юго запада она падаетъ очень круто, а съ сѣверо-востока самымъ незамѣтнымъ склономъ переходитъ въ равнину, на которой построены церковь и южная часть Змѣева, на высотѣ 1201 ф. надъ уровнемъ моря, по измѣренію Ледебура. Рудное мѣсторожденіе состояло изъ огромной массы роговика, заключенной въ глинистомъ сланцѣ. Черезъ эту массу проходили жилы тяжелаго шпата съ серебрясвинцовыми рудами. Нынѣ мѣсторожденіе совершенно выработано и истощено, и только небольшое количество свинца добывается еще изъ старыхъ отваловъ. Змѣиногорскъ имѣетъ видъ довольно хорошаго окружнаго города по своимъ постройкамъ. Теперь въ немъ серебряплавильный заводъ и около 6 т. жителей обоого пола.

Въ 9 часовъ утра Великій Князь былъ въ Змѣиногорскѣ въ Церкви. Въ это время служили молебенъ о благополучномъ рожденіи Государя Великаго Князя Николая Александровича. Послѣ этого, Его Высочество посѣтилъ Змѣиногорскій рудникъ. Въ 12 часовъ у Великаго Князя былъ обѣдъ, а въ 2 часа по полудни Онъ изволилъ отправиться далѣе и по пути посѣтилъ самый заводъ.

Было невыносимо жарко; но дорога такъ хороша, что невозможно было вѣхать тихо, не смотря на гористую мѣстность. Отъ Змѣиногорска до деревни Саушки 19 верстъ и все это пространство представляетъ на каждомъ шагу самые разнообразныя и восхитительныя виды. Съ лѣвой стороны на голой степи близъ самой деревни лежатъ группами огромныя гра-

нитныя массы, изображая то хижины, то стога сѣна, то башни, замки и т. п. Въ 8 верстахъ отъ деревни Саушкиной, вправо отъ большой дороги, заблестало зеркало Колыванскаго озера. Горы, обступаящія его, какъ нельзя болѣе живописны. Мягкіе вечерніе лучи солнца представляли чудную игру на нихъ свѣта и тѣни. Зелень которою покрыты горы, казалась то темною, то ярко-голубою. Легкій туманъ висѣлъ надъ этимъ чуднымъ амфитеатромъ горъ. Какой видъ долженъ быть ночью при лунѣ!

Мѣстность, окружающая Колывань—озеро, заставляла любоваться собою не только простаго туриста, но и ученаго геолога. Вотъ что говоритъ объ ней профессоръ Щуровскій:

«Въ нынѣшній разъ моею послѣднею поѣздкою изъ Змѣева была поѣздка на Кокынъ-озеро, залегающее между Саушкинскими гранитами. Я избралъ для этого дорогу чрезъ такъ называемую Долгую гриву. Это плоская возвышенность, которая слегка изволнована порфиоровыми холмами и простирается вверхъ по теченію Крутишки, выпадающей изъ Саушкиной гряды, и около самаго завода вливающейся въ Корбалиху. Долгая грива тянется верстѣ на восемь; далѣе начинается означенная гранитная гряда, то большими отдѣльными глыбами, то цѣлыми рядами скаль, осѣненныхъ сосновымъ лѣсомъ. Отъ первыхъ гранитныхъ обнаженій до Колывань—озера считается около 10 или 11 верстѣ. На всемъ этомъ пространствѣ горы неистощимо разнообразны. Чѣмъ болѣе вступалъ я въ этотъ гранитный хаосъ, тѣмъ онѣ становились круче, громаднѣе тѣмъ болѣе располагались рядами, раздѣленными между собою весьма глубокими и лѣсистыми долинами. Вершины горъ покрыты сосною и березою, а склоны ихъ и самыя долины

поросли рябиною, черемухою, акаціею, жимолостью и другими кустарниками. Спускаясь нѣсколько разъ въ такія лѣсистыя долины, и подымаясь на крутизны, я выѣхалъ наконецъ на одну возвышенность, съ которой открылось предо мною очаровательное зрѣлище. Колыванъ—озеро, какъ огромное круглое зеркало, лежало въ весьма фантастической рамѣ, между самыми живописными гранитными скалами. Безъ всякаго преувеличенія, найдете тутъ всевозможныя сравненія съ древними замками, съ развалинами готическихъ зданій, съ падающими башнями, со многими искусными произведеніями, съ нѣкоторыми животными и человѣческими фигурами. При первомъ взглядѣ на Колыванъ—озеро, на эту величественную картину, невольно обращается къ нему все вниманіе. Перебѣгая взорами отъ одного предмета къ другому, ни на чемъ не можешь остановиться; хотѣлось бы однимъ разомъ все впечатлѣть въ своей памяти. Я долго стоялъ въ какомъ—то восторженномъ безмолвіи на берегу озера, прислушиваясь къ шуму и плеску волнъ. Было довольно вѣтрено; волны непрерывно неслись къ берегу, и съ пѣною разшибались о гранитный утесъ, у подошвы котораго я любовался картиной.»

Въ 9 часовъ вечера на станціи Курьинской, за чаемъ, Великій Князь обратилъ вниманіе на чудскія могилы, попадавшіяся иногда по пути.

Едвали можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что южная часть Сибири вообще была заселена гораздо прежде, нежели другія части этой обширной страны, менѣе облагодѣтельствованныя природою. Бѣдныя бродячія племена, обитающія теперь въ дремучихъ лѣсахъ, по безлюднымъ тундрамъ и недоступнымъ берегамъ Ледовитаго моря, могли избрать

себѣ жилищемъ эти негостепріимныя мѣста не иначе, какъ въ слѣдствіе враждебныхъ отношеній съ другими племенами, которыя оттѣснили ихъ на сѣверъ: почти у всѣхъ у нихъ существуетъ преданіе, что страна, въ которой жили ихъ предки, была лучше и богаче занимаемой ими теперь и что она лежала далеко на полдень. Этаже самая южная часть Сибири, отдѣляясь отъ степей Монголіи хребтами Алтайскимъ и Саянскимъ, была, какъ запомнить исторія, не разъ стоибищемъ кочевыхъ племенъ средней Азіи во время ихъ воинскихъ переселеній: еще въ XVII вѣкѣ тутъ кочевали Киргизы, еще и теперь тутъ кочуютъ разныя Финскія и Тюркскія поколѣнія. Но какъ первобытные, неизвѣстные обитатели южной части Сибири, такъ и временные ея гости, оставили въ ней весьма не много слѣдовъ своего пребыванія: это все немногое заключается почти въ однихъ курганахъ, слыvuщихъ у русскихъ подъ названіемъ Чудскихъ бугровъ. Татары и другіе инородцы приписываютъ ихъ какому-то народу *Ак-карракъ* — голубоглазому, свѣтлоокому. Такіе курганы разсыпаны преимущественно по близости рѣкъ и озеръ, а иногда въ отдаленіи отъ нихъ по степямъ и на возвышенностяхъ. Первые признаются почти всѣми за древнія могилы, вторыя же на возвышенностяхъ — за маяки, означавшіе пути, по которымъ шли воинственныя орды.

Курганы перваго рода, курганы маячныя, какъ называютъ ихъ въкоторыя, и въ томъ числѣ Степановъ, суть круглыя земляныя насыпи, воздвигнутыя въ степяхъ и на возвышенностяхъ по одной, а иногда и по двѣ вмѣстѣ. Около ихъ находятся иногда встуканы изъ камня, грубой работы, называемыя русскими и инородцами *старухами*, *дѣвками*, *богатырями*.

Иногда эти курганы находятся не вдалекѣ другъ отъ друга, иногда, напротивъ, на значительномъ пространствѣ не встрѣтишь ни одного, и притомъ тамъ, гдѣ, казалось бы, лучше всего насыпать маякъ. Внутри этихъ кургановъ не находится ни вещей, ни скѣповъ, ни костей. Это, кажется, и дало мысль назвать ихъ маячными, насыпанными передними рядами какой либо орды, для того, чтобы дать знать заднимъ рядамъ, какого направленія имъ держаться. Курганы другаго рода, или лучше, могилы, разсыпаны преимущественно по долинамъ, близъ озеръ и рѣкъ. Наружный видъ ихъ почти такой же, какъ и кургановъ маячныхъ, то есть они представляютъ круглыя, холмообразныя насыпи, вышиною отъ одной до двухъ съ половиною сажень и столько же въ окружности, которая обнесена сплошь со всѣхъ сторонъ, или только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, плитами краснаго шифера, торчащими до трехъ аршинъ изъ земли и на столько-же находящимися подъ землею. Нѣкоторыя плиты четырех—угольной формы, нѣкоторыя трех—угольной. Такіе курганы стоятъ всегда, или почти всегда, въ отдаленіи отъ другихъ и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, суть могилы старшинъ или князцовъ. Видъ другихъ могилъ, напротивъ, отличается отъ вышеописаннаго: это суть плоскія, довольно округленныя, широкія насыпи, аршинъ, два и даже менѣе вышины, раздѣленныя каменными плитами на нѣсколько перегородокъ и иногда такъ, что плиты одной перегородки касаются плитъ другой. Палласъ думаетъ, что это семейныя кладбища. Впрочемъ, надо замѣтить, что попадаются иногда и могилы старшинъ, и могилы семейныхъ кладбищъ, которыя не обнесены плитами, можетъ быть, потому, что родственники покойныхъ не

нѣли средствъ перевести ихъ изъ горъ, находящихся иногда на значительномъ разстояніи; можетъ быть потому, что они истреблены временемъ и сосѣдными жителями. Степановъ, говоритъ, что такія плиты можно встрѣтить вездѣ при самыхъ могилахъ или въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ: стоитъ только нѣсколько углубиться въ материкъ и заступъ тотчасъ ударится о плитникъ, по этому онъ полагаетъ, что рыть могилу и въ самое то же время готовить памятникъ было на подобныхъ кладбищахъ одною и тою же работою. Это справедливо, но только относительно нѣкоторыхъ мѣстъ, а не всѣхъ; въ иныхъ невольно дивишься, какихъ трудовъ стоило перевозить плиты изъ горъ. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ, приблизительно, могутъ вѣсить до 1000 пудовъ! На нѣкоторыхъ плитахъ есть зарубки или черты, какъ будтобы похожіе на знаки, но которые смѣло можно назвать тамгами, означающими родъ покойника. На другихъ плитахъ, напротивъ, весьма ясно высѣчены какія-то неизвѣстныя письмена, — какъ, напримѣръ, на плитѣ, найденной Кастреномъ въ степи, выше Саянскаго фарноста, въ Енисейской губерніи. Тихсенъ видѣлъ въ знакахъ, изображенныхъ на могильныхъ плитахъ, Кельтскія и Готфскія письмена, а Роммель уподобляетъ ихъ могильнымъ начертаніямъ земли Гэсенской. Одинъ изъ этихъ ученыхъ, Г. Тихсенъ, будто-бы даже прочелъ на одной плитѣ, находящемся на лѣвомъ берегу Енисея, противъ устья рѣки Тубы, слова *alehy tyg-okytuk*, а послѣдніе четыре знака этой надписи, онъ считаетъ сходнымъ съ индѣйскимъ числомъ 2112 или готическимъ словомъ *qi qi*. На сколько вѣрно такое чтеніе — незнаемъ.

Внутренность всѣхъ могилъ рѣшительно

одинакова: на двухъ аршинной глубинѣ отъ поверхности земли, въ каждой находится деревянный скѣль, на которомъ лежало одно тѣло головою на востокъ; почти въ каждой по четыремъ угламъ скѣла стоятъ обожженные и необожженные горшки, наполненные иногда землею, а иногда золою растительнаго царства съ мелкимъ углемъ. Вещи, находимыя въ этихъ могилахъ, также подобны однѣ другимъ, только въ самыхъ древнихъ они все мѣдныя, а въ новѣйшихъ перемѣшаны съ желѣзными или все желѣзныя. Вещи эти суть шлемы, бердыши, копья, стрѣлы разныхъ формъ, кинжалы, оправа седелъ, удила, сосуды, иногда серебрянные, круглыя металлическія зеркала, бляхи съ изображеніемъ или изображающія животныхъ и людей, грубой работы, подвѣски, серьги, кольца, погремучки и т. п. Рисунки Палмаса и Спасскаго даютъ объ нихъ довольно достаточное понятіе. У Степанова было довольно большое собраніе подобныхъ вещей, но гдѣ онѣ выходятся теперь—неизвѣстно. Два другія значительныя собранія были, какъ извѣстно, у почетнаго гражданина Кузнецова и чиновника Титова. Первое изъ нихъ поступило въ музей Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ 1854 году въ музей этого общества Енисейскій Губернаторъ доставилъ весьма замѣчательную вещь, найденную также въ одной изъ подобныхъ могилъ. Это было бронзовое изображеніе одного изъ божествъ Ламайскаго вѣрованія. Кромѣ изящной работы, какъ сказано въ отчетѣ Сибирскаго Отдѣла за 1854 годѣ, бронзовая фигура очень густо позолочена и вынута была изъ земли весьма мало поврежденною. Членъ—сотрудникъ Отдѣла Банзаровъ и агинскій лама Сультимъ Батмаевъ не могли опредѣ-

лить названія этого изображенія. Первый утверждалъ, что она должна быть занесена во времена отдаленныя прямо изъ Тибета и что, по утратившимся атрибутамъ, трудно сказать о настоящемъ имени этого божества. Вообще должно сказать, что разрывая теперь могилы южной части Сибири, рискуешь почти всегда ничего не найти въ нихъ, кромѣ костей. Значитъ, онѣ уже разрыты. Въ самомъ дѣлѣ, еще во времена Петра Великаго, именно 1 Сентября 1720 и 16 Февраля 1721 годовъ, были изданы указы, чтобы золото изъ могилъ, годное на передѣль, покупать настоящею цѣною безъ передачи, а курьезныя вещи, находимыя въ Сибири, покупать тоже настоящею цѣною, но, не переплавляя, присылать въ Берг-Коллегію и доносить о томъ Государю. Слѣдовательно могилы разрывались еще и тогда. Лѣтъ 60 тому назадъ, крестьяне цѣлыми ватагами ходили разрывать могилы, въ надеждѣ отыскать въ нихъ зарытые вмѣстѣ съ покойникомъ клады. Понятно, сколько отъ этого грабежа потеряла наука.

Выше замѣчено что инородцы приписываютъ эти могилы народу, который былъ *ак-карракъ*, свѣтло-глазый, голубо-глазый. Русское населеніе приписываетъ ихъ *чуди*, которая въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ почти всегда называется *бѣлоголавою*. Что это былъ за народъ неизвѣстно, но русское преданіе, сохранившееся также у инородцевъ и даже, вѣроятно, принятое отъ нихъ, говоритъ, что это былъ народъ сильный и богатый, вмѣсто лошадей, у него были огромныя стада верблюдовъ; вмѣсто коровъ-сохатые. Передъ пришествіемъ русскихъ, въ Сибири вдругъ стала произрастать береза, о которой до той поры ни кто и не слыхалъ. Удивленные бѣлымъ цвѣтомъ коры

этого дерева, чудаки созвали своихъ шамановъ и стали спрашивать ихъ, чтобы это значило? Шаманы отвѣчали, что появленіе бѣлаго дерева значитъ то, что скоро придутъ войны бѣлаго царя и покорятъ ихъ. Чудаки пришли отъ этого въ такой ужасъ, что вырыли ямы и заживо погребли себя въ нихъ.

Оставивъ станцію Курьинскую, Великій Князь отпраздился далѣе, по направленію къ г. Барнаулу. Ночь была лунная и поѣздъ ѣхалъ хорошо. На нѣкоторыхъ станціяхъ Его Высочество не выходилъ изъ экипажа. 24 Іюня день былъ чрезвычайно жаркій и на небѣ ни одного облачка. Мѣстность отъ деревни Саушки до самаго Барнаула совершенно ровная, почти степная. Правда, что, не доѣзжая верстѣ 15 до села Курьинскаго, открывается невысокій и безлѣсный хребетъ, за которымъ открывается еще нѣсколько параллельныхъ ему хребтовъ, — но всѣ они, понижаясь мало по малу, теряются въ отдаленіи, въ степи. Въ 6 часовъ утра 24 Іюня Великій Князь былъ въ деревнѣ Чистювской, которая составляетъ границу между Бійскимъ и Барнаульскимъ округами, а около 2 часовъ по полудни уже въ самомъ Барнаулѣ.

Верстахъ въ 8 отъ Барнаула, Его Высочество встрѣтила огромная толпа мастеровыхъ и рабочихъ, съ флагомъ въ рукахъ и съ крикомъ «ура». Около Барнаула мѣстность совершенно песчаная; по этому пыль была невыносимая.

III.

Мы едвали ошибемся, если скажемъ, что Барнаулъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшій городъ изъ всѣхъ окружныхъ городовъ въ Сибири.

Между тѣмъ, существованіе его еще очень недавно.

Въ новѣйшее время основаніе горнаго промысла на Алтаѣ принадлежитъ неутѣмимому и предпримчивому Акинфію Демидову. Въ 1738 году Демидовъ на мѣстѣ нынѣшняго Барнаула основалъ деревню, въ которой поселились преимущественно рабочіе, составляющіе его поисковыя партіи. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ 1739 году, онъ устроилъ уже здѣсь заводъ, начавшій свое дѣйствіе въ 1744 году и названный Барнаульскимъ отъ рѣчки Барнаулки, впадающей здѣсь въ Обь. Въ 1771 году Барнаулъ переименованъ городомъ и въ немъ сосредоточено управленіе всѣми заводами и рудниками нынѣшняго Алтайскаго горнаго округа. При послѣднемъ распредѣленіи Сибирскихъ губерній и областей въ 1822 году, Барнаулъ назначенъ окружнымъ городомъ Томской губерніи.

Барнаулъ находится подъ $58^{\circ} 20'$ с. ш. и $101^{\circ} 28'$ в. д. на довольно ровномъ и песчаномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ р. Барнаулки и на лѣвомъ берегу р. Оби. Разстояніе его отъ С.-Петербурга 4412 в., отъ Москвы 3445 и отъ Томска на ю.-з. въ 387 в. Возвышеніе его надъ уровнемъ моря опредѣляется въ 400 русскихъ футовъ.

Въ 1867 году въ Барнаулѣ было жителей около 13 т. д. обоого пола.

Для образованія дѣтей горныхъ чиновниковъ, въ Барнаулѣ есть горное училище. Пособіями служатъ хорошая бібліотека, составленная преимущественно изъ книгъ спеціальнаго содержанія, и музей съ зоологическими, минералогическими и этнографическими коллекціями и собраніями моделей разныхъ рудниковъ Алтайскаго округа. Въ музей особенно обращаютъ на себя вниманіе различныя вещи,

добытыя изъ чудескихъ могилъ и относящіяся къ далекой древности Сибири; множество гербаріумовъ, заключающихъ въ себѣ образцы всей флоры Алтая, и чучелы животныхъ, водящихся на Алтай, въ томъ числѣ чучелы двухъ тигровъ, убитыхъ въ горномъ округѣ. Нельзя не упомянуть, что въ Барнауль, кромѣ библіотеки, принадлежащей горному вѣдомству, есть еще библіотека одного частнаго лица, въ которой за умѣренную плату можно получать всѣ періодическія изданія, и метеорологическая обсерваторія, устроенная по мысли Гумбольдта, стараніями графа Канкринна.

Вообще, внѣшній видъ Барнаула можно назвать образцовымъ. При этомъ, конечно, зданія горнаго вѣдомства, какъ-то зданія Горнаго Правленія, завода, училища, химической лабораторіи и т. п. выдвигаются особенно впередъ. Въ память перваго основателя Барнаула, Демидова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ память столѣтней разработки рудниковъ Алтайскаго горнаго округа, въ 1825 г. въ Барнауль, среди главной площади, воздвигнуть памятникъ.

Въ 1867 году въ Барнауль считалось заводовъ 25, фабрикъ 2, промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній 25

Говоря о заводахъ Барнаула, нельзя умолчать о казенномъ сереброплавильномъ заводѣ, на которомъ плавятся серебряныя руды рудниковъ Крюковскаго, Сокольскаго, Зыряновскаго, Семеновскаго и Салаврскаго и свинцовыя руды Зыряновскаго и Риддерскаго. Это лучший заводъ во всемъ Алтайскомъ округѣ. Онъ построенъ на плотинѣ, имѣющей въ длину 332, а въ ширину 30 саж., и обведенъ деревяннымъ заплотомъ. Пробырный домъ, каменная кладовая для ежегодно добываемыхъ сокровищъ,

анбары и другія хозяйственныя строенія лежать въ сторонѣ отъ плотины.

Съ 21 Ноября по 6 Декабря въ Барнаулѣ существуетъ ярмарка подъ именемъ Введенской; но обороты ея весьма незначительны.

Барнаулѣ употребилъ все свои силы, чтобы встрѣтить, какъ должно, Великаго Князя. Все улицы и дома были убраны разноцвѣтными флагами. На главной площади, чрезъ которую предстоялъ проѣздъ, была устроена арка, увитая зеленью и цвѣтами. Путь Великаго Князя былъ также усыпанъ цвѣтами. Несмѣтныя толпы народа, собравшагося за 100 и за 200 верстъ, безпрестанно оглашали воздухъ громогласнымъ «ура».

Прежде всего Его Высочество остановился у Собора, гдѣ былъ встрѣченъ Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Томскимъ и Семипалатинскимъ; потомъ, принявъ почетный караулъ, удалился во дворецъ, — прекрасное зданіе дома Начальника Алтайскихъ Горныхъ Заводовъ. Толпы народа сейчасъ же запрудили всю эту улицу.

Въ 3 часа у Великаго Князя былъ обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ лицъ, были приглашены Начальникъ Горныхъ Заводовъ и его помощникъ.

Около 5 часовъ по полудни небо обложилось густыми тучами и скоро раздались сильныя удары грома. Пошелъ проливной дождь, который длился до 11 часовъ вечера. Это обстоятельство воспрепятствовало зажечь иллюминацію, которую Барнаулѣ долго и тщательно готовилъ.

Утро 25 Юня было ясное и жаркое.

Въ 9 часовъ Великій Князь изволилъ осматривать городъ; при чемъ посетилъ серебряноплавильный заводъ, химическую лабораторію и

тюремныя заведенія, а послѣ завтрака, бывшаго въ 12 часовъ, Димитріевскую церковь, извѣстную своею прекрасною живописью, горное училище и музеумъ. Въ послѣднемъ Его Высочество обратилъ особенное вниманіе на различныя модели машинъ, находящихся въ Алтайскихъ заводахъ, и чучелы двухъ тигровъ, убитыхъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ.

Въ вечеру пошелъ было дождь, однако скоро пересталъ.

Въ 8 часовъ вечера любителями драматическихъ представленій былъ данъ спектакль. Зданіе театра снаружи и внутри было украшено вензелями Великаго Князя и роскошно освѣщено. Когда Его Высочество вошелъ въ приготовленную для Него ложу, раздались звуки русскаго національнаго гимна и громкое «ура» не переставало гремять нѣсколько минутъ. Благородные артисты давали на этотъ разъ двѣ пьесы: «Несчастіе особаго рода», комедія Пенькова и «Его Превосходительство, или средство нравиться», комедія Коровкина. Во время спектакля, Его Высочество много разъ аплодировалъ артистамъ и послѣ каждой пьесы удостоивалъ ходить за сцену, чтобы лично благодарить ихъ. Въ 10 часовъ спектакль окончился и Великій Князь отправился прогуляться по городу.

Не смотря на лунную ночь, улицы города были роскошно и съ искусствомъ иллюминированы. Напротивъ зданія театра, равно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, горѣлъ вензель Великаго Князя, украшенный зеленью и цвѣтами.

Въ тотъ же самый день жители Колыванской шлифовальной фабрики имѣли честь поднести Его Высочеству трость, сдѣланную изъ разныхъ породъ цвѣтныхъ камней, находящихся на Алтаѣ.

Утро 26 Июня было то ясное, то облачное. Но этотъ день, конечно, останется на всегда въ памяти жителей г. Барнаула. Въ этотъ день, въ 9 часовъ утра, была закладка часовни во имя св. Александра Невскаго, въ память событія 25 Мая 1867 г. Его Высочество присутствовало при этой закладкѣ; при чемъ Преосвященный Алексій произнесъ приличное обстоятельству слово. Часовня будетъ устроена по прекрасному рисунку Архитектора Злобина между двумя бульварами, недалеко отъ зданія Полицейскаго Управленія. Съ закладки Великій Князь отправился во дворець, а немного спустя осматривалъ горный баталіонъ. Послѣ ранняго обѣда, часа въ три, предполагалась охота на дупелей, но она не состоялась, потому что Его Высочество, почувствовавъ себя нездоровымъ и не присутствовалъ даже за обѣдомъ.

Вечеръ былъ тихій, а потому иллюминація удалась, какъ нельзя лучше. Многіе дома были освѣщены съ большимъ вкусомъ.

27 Июня, въ 7 часовъ утра, несмотря на неудовлетворительное состояніе здоровья, Великій Князь отправился далѣе, по направленію къ Бійску. На станціи Гоньбинской, въ 16 верстахъ, нужно было переправиться черезъ Обь и эта переправа совершена въ особо устроенной гражданами Барнаула лодкѣ, сплавленной сюда. Гребцами были также граждане.

«Великая рѣка Обь,» какъ говорится въ книгѣ Большаго Чертежа, составляется изъ соединенія рѣкъ Бии и Катунь, изъ которыхъ первая вытекаетъ изъ Телецкаго озера, а вторая съ ледниковъ, находящихся между Катунскими столбами. Это самая громадная рѣка во всей Западной Сибири и перерѣзываетъ ее почти отъ самой южной границы до Ледовитаго моря. Обь—кормилица живущаго по ней

населенія, „матушка“, какъ называется ее народъ. Но живописными видами эта знаменитая рѣка не богата: берега ея довольно плоски, песчаны и во многихъ мѣстахъ очень бѣдны растительностію. Таковы точно берега Оби и у Голубинскаго перевоза. Ширина ея въ этомъ мѣстѣ около 300 сажень или нѣсколько болѣе.

День былъ невыносимо жаркій; по этому поѣздъ двигался довольно тихо. Народъ вездѣ съ восторгомъ встрѣчалъ Его Высочество не только въ селеніяхъ, гдѣ были перемѣны лошадей, но даже посреди станцій. Въ деревнѣ Овчинниковой въ $\frac{3}{4}$ 5-го часа былъ обѣдъ; затѣмъ тронулись далѣе. Къ вечеру стало нѣсколько прохладнѣе. Часовъ въ 12 небо обложилось тучами, а къ утру пошелъ дождь. Въ 4 часа утра Великій Князь прибылъ въ г. Бійскъ.

Отъ Барнаула до Бійска 185 верстъ и весь этотъ путь лежитъ по ровной мѣстности, изрѣдка пересекаемой небольшими возвышеніями. Въ иныхъ мѣстахъ, особенно около Бійска, мѣстность эта почти переходитъ въ степь, на которой только изрѣдка увидишь какой нибудь незначительный кустарникъ. Но почва земли почти вездѣ черноземная и плодородная. Около Бійска въ первый разъ встрѣтились посѣвы въ полѣ конопли и проса. Послѣ дождя все сіяло самую роскошною зеленью.

IV.

Система, которой держалось русское правительство, при первоначальной колонизаціи Сибири, была весьма проста. Изъ извѣстныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ партіи промышленныхъ людей и казаковъ проникали постепенно въ глубь страны, завязывали сношенія съ инород-

цами, встрѣчавшимися имъ на пути, волею или неволею заставляли ихъ платить ясакъ и, если представлялась необходимость, по отдаленности укрѣпленныхъ пунктовъ,—среди самыхъ кочевьевъ инородцевъ рубили новые остроги, которые въ послѣдствіи времени обратились въ города. Зная такую систему, можно было бы сказать впередъ, что наши воеводы, основавъ въ 1617 г. Кузнецкій острогъ, не удовольствуются обложеніемъ ясака однихъ татаръ—кузнецовъ; но будутъ непремѣнно стараться проникнуть далѣе, къ самому предгорію Алтая. Такъ дѣйствительно и случилось.—Усмиривъ татаръ по рѣкамъ Кондомъ и Мрасъ, русскіе старались покорить татарскіи племена, жившія у рѣкъ Біи и Катуня, и еще въ 1633 г. пытались недалеко отъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ, на мѣстѣ нынѣшняго Бійска построить острогъ, чтобы утвердить русское владычество надъ кочевавшими тамъ племенами и обезопасить край отъ набѣговъ Калмыковъ; а въ 1653 г. Томскіе казаки, подъ предводительствомъ Сабинскаго, предпринимали походъ уже далѣе, и, дойдя до вершины рѣки Біи, нашли при озерѣ Алтынъ-норъ татарскій родъ, по имени Телесъ, а потому и самое озеро названо русскими Телесскимъ. Однакоже Бійскъ, съ небольшими укрѣпленіями, построенъ не ранѣе, какъ въ 1709 году и названъ крѣпостью. Крѣпость эта получила нѣсколько болѣе значенія въ 1745 г., когда началось укрѣпленіе Кузнецкой линіи, которая была ничто иное какъ продолженіе Колыванской линіи, построенной для защиты Колыванскихъ рудниковъ отъ набѣговъ Чжунгаровъ. Кузнецкая линія простиралась отъ Бійска до Кузнецка, по гористымъ, пересѣченнымъ мѣстамъ и заключала въ своемъ составѣ 15 редутовъ и фарпостовъ на протяженіи около

300 верстѣ. Съ другой стороны, Колыванская линія шла отъ Бійска до Усть-Каменогорской крѣпости и на протяженіи 457 верстѣ заключала 21 укрѣпленіе. Въ это время Бійскъ составлялъ главное мѣсто всей этой военной цѣпи. Въ 1782 или въ 1783 г. Бійская крѣпость переименована въ окружный городъ Колыванской области, а въ 1797 году этотъ городъ оставленъ заштатнымъ и уѣздъ его приписанъ къ Кузнецкому. Наконецъ, въ 1806 г. онъ снова возстановленъ уѣзднымъ городомъ Томской губерніи. Такова исторія города Бійска.

Бійскъ лежитъ на правомъ берегу р. Біи, близъ соединенія ея съ Катунью, на 699 рус. ф. выс. подъ 52° с. ш. и 102° в. д. Разстояніе его отъ С. Петербурга въ 4683 в., отъ Москвы 4009 в., отъ Томска къ ю-з. 548 верстѣ. Мѣстность песчаная, поросшая лѣсомъ.

Въ настоящее время въ Бійскѣ считается жителей до 5700 д. обоего пола; заводовъ 12, промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній 6 и ремесленниковъ 57,

Городъ Бійскъ раздѣляется на три части, имѣющія свои названія, а именно: собственно городъ, крѣпость, хотя крѣпости въ настоящее время нѣтъ почти и слѣда, и форштатъ. Къ двумъ послѣднимъ частямъ прилегаютъ съ западной стороны топкое кочковатое болото съ нѣсколькими всходящими изъ него мочагами и съ протекающимъ близъ базарной площади безымяннымъ ключемъ, впадающимъ въ Бію. Кромѣ того, къ южной сторонѣ форштата прилегаютъ протока, по имени Княжеская. Вода въ этой протоцѣ и безымянномъ ключѣ стоячая, затхлая и въ пищу не употребляется. Мѣстность отъ праваго берега протоки до крѣпостнаго землянаго вала, поросшая кустарникомъ и занятая надворными строеніями, доволь-

но низменна и ежегодно затопляется водами Бии.

Въ Бійскѣ двѣ церкви—одна въ чертѣ прежней крѣпости каменная во имя Успенія Пресвятыя Богородицы; другая—деревянная, кладбищенская, во имя Вознесенія Господня. Церкви эти ни чѣмъ незамѣчательны.

Несмотря на суровость зимы, климатъ Бійска вообще довольно умѣренный, а лѣтомъ прекрасный, освѣжаемый большею частію, южнымъ вѣтромъ. Окрестности города весьма плодородны; жители занимаются преимущественно разведеніемъ въ огородахъ табаку, скотоводствомъ и отчасти торговлею. Бійскій табакъ весьма низкаго качества, однакоже находитъ значительный сбытъ какъ между русскими населеніями края, такъ и инородческимъ. Скупая крупный рогатый скотъ въ окрестныхъ селеніяхъ и у инородцевъ, горожане Бійска сбываютъ его не только внутри своей губерніи, но и въ сосѣдственной Енисейской, гдѣ онъ идетъ на золотые промысла Минусинскаго округа. Мѣстная торговля состоитъ въ пушномъ товарѣ, медѣ, воскѣ и хлѣбѣ. Пушной товаръ, въ особенности бѣлка, бурундукъ и отчасти соболь довольно низкаго качества, приобрѣтается на мѣстѣ отъ русскихъ промышленниковъ или вымѣнивается въ округѣ у калмыковъ на хлѣбъ и табакъ. Часть его продается на Ирбитской ярмаркѣ, а часть на Кяхтѣ. Меду и воску Бійскъ доставляетъ ежегодно отъ 5 до 6 т. пудовъ, скупаемыхъ въ округѣ. Лѣтомъ сбытъ его производится по р. Иртышу до Омска и Тобольска; зимою же эти продукты развозятся для продажи во внутренніе округа западной Сибири и на Ирбитскую ярмарку. Хлѣбъ сбывается, большею частію, на казенные золотые промысла. Кромѣ всего этого, жители Бійска ведутъ мѣнновой торгъ съ китайскими

подданными на р. Чуѣ, въ 270 верстахъ разстоянія отъ русскихъ селеній. Китайцы съ ближайшихъ пикетовъ постоянно пріѣзжаютъ сюда и привозятъ чай, канфу, китайку и бумажныя издѣлія на сумму до 18 т. р. въ годъ. Съ нашей стороны, въ обмѣнъ этихъ товаровъ, идутъ мѣха и лошади. Въ самомъ городѣ бываетъ также одинъ разъ въ годъ ярмарка, известная подъ именемъ Екатерининской. Она начинается съ 24 Ноября и продолжается до 6 Декабря. Оборотъ ея въ общей сложности доходить до 17500 р.

Въ Бійскѣ два училища—одно для мальчиковъ, существующее съ 1860 г. и содержимое на счетъ города, для чего ежегодно отпускается до 300 р. с., другое для дѣвочекъ, существующее съ 1861 г. и содержимое на счетъ пожертвованій и денегъ, выручаемыхъ отъ розыгрыша лоттерей.

Для пріема Великаго Князя Бійскъ также украсился разноцвѣтными флагами, хотя и не такъ роскошно, какъ Барнаулъ. Ожидая пріѣзда Его Высочества ночью, жители и здѣсь приготовили иллюминацію, но она не могла осуществиться какъ потому, что шелъ дождь, такъ и потому, что было уже утро.

Въ Бійскѣ Великій Князь оставался долѣе, нежели въ какомъ либо другомъ городѣ Томской губерніи, именно съ 28 Іюня по 7 Іюля—но это пребываніе было скорѣе печально, нежели радостно для Бійска, потому что все это время Его Высочество былъ боленъ.

Чувствуя себя нездоровымъ уже на пути изъ Барнаула, Великій Князь, по пріѣздѣ въ Бійскъ, сейчасъ удалился во дворецъ и отдыхалъ до 10½ часовъ утра. Въ 11 часовъ у Его Высочества былъ чай, но онъ не принималъ въ немъ участія. Къ обѣду, въ 4 часа,

Онъ хотя и вышелъ, но соблюдалъ строгую діету. Было ясно видно, что Великій Князь страдалъ, но хотѣлъ скрыть отъ окружающихъ свое страданіе. Нѣсколько разъ Онъ выходилъ даже на балконъ дворца и показывался народу, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ Его на площади, встрѣчая всякій разъ самыми восторженными кликами. Разъ или два произошла даже невинная ошибка: на балконъ случилось выйти другому лицу и народъ приветствовалъ его «ура», предполагая, что это Его Высочество.

Въ 9 часовъ вечера городъ былъ очень хорошо иллюминированъ. Почти у cadaго дома горѣли вензеля Великаго Князя. Но особенно эффектный видъ имѣла гора, возвышающаяся надъ Бійскомъ, и берегъ р. Біи, ограничивающій городъ съ полуденной стороны. Какъ на горѣ, такъ и на берегу Біи были зажжены смоленыя бочки и пламя ихъ ярко отражалось и на темномъ фонѣ неба и въ темномъ зеркалѣ быстрой рѣки.

По маршруту путешествія Великаго Князя по Томской губерніи было предположено, что Его Высочество изъ Бійска посѣтитъ Телецкое озеро, извѣстное своими живописными видами и находящееся въ довольно отдаленной части Алтая. Но по собраннымъ на мѣстѣ свѣденіямъ, оказалось, что путь къ этому озеру, всегда весьма затруднительный, теперь даже не безопасенъ отъ проливныхъ дождей, шедшихъ почти цѣлый мѣсяцъ на Алтаѣ, отъ которыхъ даже самые незначительные горные ручьи приняли видъ грозныхъ потоковъ, разбушевались и проходимыя сухія мѣста превратили въ непроходимыя топи и болота. Какъ это обстоятельство, такъ и нездоровье Его Высо-

чества заставили Его отказаться отъ этого путешествія.

29 Юня былъ престольный праздникъ Бійска—день Св. Апостоловъ Петра и Павла. Погода стояла свѣтлая, но вѣтренная. Великій Князь хотѣлъ быть въ обѣднѣ, но не былъ. Молва о нездоровьѣ Его Высочества разносилась по городу и встревожила все его населеніе. Народъ съ утра толпился у дворца, но ни разу неимѣлъ счастья видѣть Великаго Князя. Къ обѣду, въ 4 часа, Онъ также не вышелъ. Такъ какъ въ этотъ день было тезоименитство Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Павла Александровича, то провозглашень былъ тостъ за здравіе высокаго именинника. Но вообще все присутствовавшіе за велико-княжескимъ столомъ были пасмурны и тревожны.

Послѣ обѣда, одинъ изъ спутниковъ Великаго Князя, Академикъ Миддендорфъ, имѣя въ виду, что Его Высочество можетъ остаться въ Бійскѣ неопредѣленное время, отправился на озеро Чаны и на Барабинскую степь для учовыхъ изслѣдованій, намѣреваясь ожидать Его на обратномъ пути въ Таръ.

Невыносимо долго тянулись дни 30 Юня и 1, 2 и 3 Юля. Все населеніе города находилось въ мрачномъ уныніи. 1 Юля городъ служилъ молебень о здравіи Великаго Князя.

Наконецъ, 4 Юля Великій Князь почувствовалъ себя лучше и послѣ обѣда катался по Біѣ на лодкѣ, устроенной городомъ для первоза Его Высочества чрезъ эту рѣку, во время поѣздки на Телецкое озеро. 5 Юля было рѣшено продолжать путь далѣе, но съ тѣмъ чтобы по дорогѣ ночевать. Въ этотъ день, въ концѣ обѣда, вышелъ въ залъ Великій Князь. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ не видали Его уже нѣсколько дней. Онъ былъ веселъ,

по блѣденъ. По всему было видно, что болѣзнь имѣла сильное на Него вліяніе. Онъ нѣсколько разъ прошелъ по залѣ и потомъ сѣлъ между Генераль-Губернаторомъ и Флигель-Адьютантомъ. Въ этотъ день было тезоименитство Государя Великаго Князя Сергія Александровича и потому былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Его Высочества.

Въ 5 часовъ Великій Князь, въ сопровожденіи Контръ-Адмирала Бока, Генераль-Губернатора Западной Сибири, Томскаго Губернатора, Флигель-Адьютанта и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, снова катался въ лодкѣ по Бѣ. Лодкой управляло восемь человекъ гребцовъ изъ гражданъ Бійска: всѣ они были въ черныхъ шляпахъ съ голубыми лентами, въ красныхъ рубахахъ и черныхъ пливовыхъ поддевкахъ. На рулевомъ была синяя рубаха и черная шляпа. И на бѣ, какъ на Иртышѣ, развернулся и заполоскался въ воздухѣ велико-княжескій штандартъ. При многочисленномъ стеченіи народа на берегу, лодка на греблѣ поднялась съ версту вверхъ по Бѣ, обогнула находящейся тутъ небольшой островокъ и пристала къ берегу. Великій Князь и всѣ сопровождавшія Его высадились и нѣсколько времени гуляли по острову. Возвратясь на лодку, Его Высочество написалъ карандашемъ на внутренней сторонѣ кормовой ея части: „Владимірѣ.“ Подъ нимъ подписали свои имена Контръ-Адмираль Бокъ и Флигель-Адьютантъ Литвиновъ.

Вечеръ былъ великолѣпный. На берегу стояло народа еще болѣе, нежели прежде. Однакоже ура не кричали, боясь обезножить Великаго Князя. Въ 7 часовъ Его Высочество возвратился во дворецъ.

Лишь только лодка пристала къ берегу, какъ надпись на ней Великаго Князя и двѣ

другія надписи покрыты лакомъ. Бійское городское общество постановило потомъ лодку эту хранить на вѣчныя времена въ особомъ помѣщеніи, въ память двукратнаго плаванія на ней Его Высочества.

На другой день около 12 часовъ Великому Князю было представлено нѣсколько Калмыцкихъ и Татарскихъ Зайсановъ, которые, узнавъ объ отъѣздѣ путешествія на Телецкое озеро, издалека сами пріѣхали поклониться Его Высочеству. Между разговорами ихъ послѣ того можно было слышать, что всѣ они благодарятъ Бога за то, что онъ удостоилъ ихъ хоть разъ въ жизни видѣть Царскаго Сына.

Въ 12 часовъ Великій Князь былъ въ церкви и въ училищѣ; а въ 4 часа, послѣ обѣда, отправился далѣе по направленію къ Кузнецку. Вчерашніе гребцы въ прежнихъ костюмахъ и множество народа сопровождало Его верхами далеко за черту города.

Чтобы продолжительное путешествіе не могло утомить Великаго Князя, положено было дѣлать сколько возможно кратчайшіе переѣзды. Въ первый день, т. е. 6 Юля, проѣхали только 44 версты и въ 7 часовъ вечера остановились на ночлегъ въ д. Марушинской. Эта небольшая и довольно бѣдная деревня, конечно, никогда не ожидала видѣть у себя на ночлегъ такого Высокаго гостя. Однакожь и она украсилась, какъ могла, для Его встрѣчи. Улицы были выметены, усыпаны пескомъ, обставлены зелеными березами; когда стемнѣло, всѣ дома освѣтились огнями. Не смотря на сѣноковъ, народа было множество и весь въ праздничномъ нарядѣ. Великій Князь благосклонно пріялъ, какъ и вездѣ, подвешенную Ему хлѣбъ-соль и удалился въ приготовленное для Него помѣщеніе. Несмотря на незначитель-

ность селенія, вся свита разиѣстилась довольно спѣшно и удобно.

7 Юля, въ воскресенье, утромъ было сумрачно и довольно прохладно. Поѣздъ Великаго Князя двинулся со станціи въ 7 часовъ утра. На половинѣ пути до слѣдующей станціи Янинской все узнали, что Его Высочество снова чувствуетъ себя не совсемъ хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, въ 2 часа по полудни, во время обѣда, въ с. Тогульскомъ, онъ вышелъ только на минуту въ общую залу, не сѣдился за столъ и былъ блѣденъ. Однакожь, не смотря на то, въ 3 часа поѣхали далѣе.

Дорога отъ Бійска до села Тогульского или даже до слѣдующаго за нимъ Тогульского зимовья лежитъ мѣстами ровными, безлѣсными, но чрезвычайно плодородными. Теперь на всемъ этомъ пространствѣ красовался густой, высокій, уже поспѣвавшій хлѣбъ. Здѣшніе крестьяне, четыре года терпѣвшіе неурожай, привисывали чудную растительность нынѣшняго лѣта столько же благодати Божіей, сколько и милости Великаго Князя, удостоившаго пріѣхать издалека, за нѣсколько тысячъ верстъ, чтобы взглянуть на ихъ житье-бытье. Не далеко передъ Тогульскимъ зимовьемъ, справа, тихо начинается возвышаться горный хребетъ, покрытый лѣсомъ. Отъ Тогульского завода до Томскаго завода, на разстояніи 28 верстъ, горы высятся все болѣе и болѣе, а одѣвающій ихъ лѣсъ превращается въ густую, темно-зеленую, едва проходимую тайгу. Чудно хороша эта тайга около половины Юля, въ хорошую погоду, при яркомъ утреннемъ или мягкомъ вечернемъ освѣщеніи солнца. Около самой дороги толнятся огромные кусты акаціи, черемухи и боярки и все это въ извѣту, то желтеетъ, то бѣлѣетъ, а нѣсколько шаговъ далѣе-и тем-

нозеленая стѣна тайги.—Точно такая же мѣстность и отъ Томскаго завода до слѣдующей Березовской станціи, на разстояніи 24 версты. На всемъ этомъ пространствѣ есть значительныя горы, какъ напримѣръ Таловая, Средній Уксунай и Малый Уксунай. Спуски съ нихъ и подъемы, особенно въ дождливое время, крайне затруднительны.

Великій Князь прибылъ въ Томскій заводъ въ половинѣ 9 часа и остановился здѣсь на ночлегъ.

Томскій заводъ, не только закрытый, но даже полуразрушенный, основанъ около 1808 г. и на немъ производилась выдѣлка желѣза. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ признано полезнымъ закрыть его. Нынѣ это бѣдное селеніе съ разрушающеюся церковью и съ разрушающимися домами.

Утро 8 Юля было туманно и пасмурно. Отъ Томскаго завода до г. Кузнецка всего 50 версты. Выѣхавъ въ 7 часовъ утра изъ завода, Великій Князь въ 12 часовъ былъ уже на перевозѣ черезъ р. Томъ.

Эта рѣка, отъ которой получила свое названіе Томская губернія, вытекаетъ изъ Кузнецкаго Алатау и пробѣжавъ около 700 версты, впадаетъ въ Обь верстахъ въ 60 отъ Томска. Томъ красивая рѣка обрамленная живописными берегами. Верхнее теченіе ея весьма быстро, особенно тамъ, гдѣ она сжата утесистыми берегами. По вступленіи же въ область каменноугольнаго песчанника, занимающаго большое пространство по правому берегу, рѣка теряетъ свою первоначальную быстроту и долина ея расширяется. Берега Томи, кромѣ верхней части теченія, вообще довольно заселены.

Переправясь черезъ Томъ въ лодкѣ, нарочно устроенной для этого мѣстными крестья-

нами, Великій Князь пересѣлъ въ городской
экипажъ и отправился въ г. Кузнецкъ, отстоя-
щій отсюда около 4 верстъ.

V.

Кузнецкъ—незначительный городъ Томской
губерніи.—Однакожь, не смотря на то, это го-
родъ старинный. Основаніе Кузнецка относит-
ся къ первымъ временамъ колонизаціи южной
части Сибири русскимъ населеніемъ.

Въ началѣ XVII в. обширная мѣстность,
прилегающая къ рѣкамъ Томи, Мрасѣ и Кон-
домѣ, была занята кочевыми туземцами, кото-
рыхъ русскіе пришельцы называли безъ раз-
личія Татарами. Татары означенной мѣстности,
живя въ сосѣдствѣ горъ, богатыхъ рудами, съ
издавна занимались выплавкою желѣзной руды
и приготовленіемъ различныхъ подѣлокъ, необ-
ходимыхъ въ домашнемъ быту. Велѣдствіе
этого, они къ общему своему названію *татаръ*
получили еще другое—*Кузнецовъ* или *Кузнецкихъ*
Татаръ. Эти татары кузнецы не знали надъ со-
бою ни какой власти, жили въ природной сво-
ей вольности и только иногда принуждены были
платить своими издѣліями дань Киргизамъ,
когда эти, болѣе ихъ сильныя, хищники при-
ближались къ ихъ кочевьямъ. Но въ 1604 г.,
недалеко отъ впаденія р. Томи въ Обь, осно-
ванъ былъ Томскъ, и вскорѣ послѣ того, Куз-
нецкіе татары должны были покориться Том-
скимъ казакамъ, которые, подвигаясь все далѣе и
далѣе на югъ, провѣдывая, какъ говорилось въ
старину новые народцы, «заботились только о
томъ, какъ бы собрать побольше ясака въ Го-
судареву, казну, не забывая съ тѣмъ вмѣстѣ и
самихъ себя.» Однакожь, на первыхъ порахъ

снѣжные искатели приключеній встрѣтили здѣсь довольно серьезный отпоръ.

Въ 1607 г. нѣсколько Томскихъ казаковъ, посланныхъ въ волости Кузнецкихъ татаръ для сбора ясака, возвратились оттуда ни съ чѣмъ. Черезъ два года эта попытка была повторена, но также безуспѣшно. Изъ отписки по этому случаю въ Москву видно, что тогда противъ казаковъ взбунтовалось едвали не все населеніе того края и слышать не хотѣло о ясакѣ. Оно поднялось бы поголовно еслибы за нихъ не вступился одинъ доброжелательный русскимъ князецъ Базаякъ, но и при его содѣйствіи казаки могли выручить ясаку «несполна соболишекъ худыхъ, которые въ государеву казну непригодятся». По этому, желая показать непокорнымъ свою силу, Томское начальство ходатайствовало объ увеличеніи числа казаковъ, съ намѣреніемъ выступить въ походъ противъ бунтовщиковъ лѣтомъ слѣдующаго года, — «а воевать Кузнецкихъ людей въ Томскомъ городѣ мало . . . и воевать осенью и зимою Кузнецкихъ людей не можно, что живутъ въ крѣпостяхъ въ великихъ, и болота обошли, и зыбели великія, и ржавцы, а зимою живутъ снѣги великіе, и воевать ихъ кромѣ лѣта въ жары не можно, и въ тѣ поры служивые люди живутъ въ разсылкахъ, а въ Томскомъ городѣ люди остаются не многіе и стоятъ на караулахъ.» По такой отпискѣ, Тобольскому воеводѣ Князю Катыреву Ростовскому велѣно было послать въ Томскъ новое войско; однакоже это осталось почему-то безъ исполненія, такъ что въ слѣдующемъ 1610 г. для сбора ясака съ Кузнецкихъ Татаръ посланъ былъ атаманъ Иванъ Павловъ только съ сорока человекъ команды. При отправленіи, Павлову, было наказано, чтобы онъ, прибывъ по назначенію,

выбралъ удобное мѣсто, укрѣнился въ немъ отъ нечаяннаго нападенія, а потомъ послалъ уже по волостямъ людей для требованія ясака и увѣщанія чтобы татары прислали въ Томскъ аманатовъ.—Но результатъ этой экспедиціи былъ почти такойже, какъ и предшествовавшихъ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ, Павловъ возвратился въ Томскъ съ самымъ ничтожнымъ ясакомъ и хотя татары на него не нападали, однакожь не давали командъ ни какихъ съ вѣстныхъ припасовъ, такъ что она должна была заботиться болѣе о скорѣйшемъ возвращеніи назадъ, нежели объ исполненіи возложеннаго на нее порученія. Тоже самое должно сказать и о попыткахъ усмирить Татаръ, предпринимавшихся въ 1611, 1612 и 1613 годахъ; къ нимъ присоединились даже на помощь или общали прислать и Киргизы. Нѣсколько удачнѣе ведено было дѣло въ 1614 году. Томское правительство распорядилось послать въ кузнецкія волости, и на этотъ разъ, кажется, съ серьезнымъ приказаніемъ усмирить непокорныхъ, Стрѣлецкаго сотника Пущина и казачьяго атамана Константинова, давъ въ ихъ распоряженіе нѣкоторое число казаковъ. Раздѣливъ команду на нѣсколько отрядовъ и разославъ ихъ въ разныя мѣста, Пущинъ и Константиновъ дѣйствовали сперва очень успѣшно, били татаръ, наказывали непослушныхъ, собирали ясакъ, забирали людей въ плѣнь. Однакоже, это продолжалось недолго. На помощь къ татарамъ прибыло болѣе 5 т. человекъ Киргизовъ и Калмыковъ, которые окружили со всѣхъ сторонъ ничтожную горсть казаковъ, ни въ какомъ случаѣ не простиравшуюся, по мнѣнію Миллера, до 200 человекъ. Пущинъ, какъ главный начальникъ, счелъ нужнымъ укрѣпить занятое имъ мѣсто и въ такомъ положеніи въ

теченіи десяти недѣль выдержалъ настоящую осаду, счастливо отбивая нападеніе непріятеля. Наконецъ, голодъ принудилъ его рѣшиться на рискованное дѣло—пробиться сквозь окружающія его толпы, и это вполнѣ удалось ему.—Видя подобную отвагу и не вадѣясь уже больше на помощь со стороны Киргизовъ и Калмыковъ, Татары присмирѣли и посланный въ 1615 г. за сборомъ ясака казакъ Анашкинъ хвалить уже ихъ послушаніе, говоря въ своей отпискѣ, что «иышѣче Кузнецкіе люди служатъ и прямятъ и ясакъ государевъ даютъ».

Но всего этого было недостаточно.—Кузнецкія волости были обширны и отдалены отъ Томска; слѣдовательно, назаоръ за ними оттуда немогъ быть бштеленъ и постояненъ. Во избѣжаніе волненій и неурядиць со стороны только что усвоившихся кочевниковъ, необходимо было изорать надежный пунктъ среди самыхъ ихъ кочевьевъ, чтобы дѣйствовать оттуда съ успѣхомъ въ случаѣ надобности; необходимо было въ самыхъ улусахъ Кузнецкихъ татаръ срубить острогъ, снабдить его служилыми людьми, исключить его отъ присуда отдаленнаго Томска и подчинить власти особаго воеводы. Съ этою цѣлю въ Сентябрь 1617 года Томскіе воеводы Бабарыкинъ и Хрипуновъ отправили туда боярскаго сына Харламова съ 45 казаками, приказавъ ему построить острогъ на устьѣ рѣки Кондомы и Кандобы, какъ тогда еснзывали. Время было позднее и Харламовъ, поднявшись по Томи только до Тулубердской волости, рѣшился тутъ зимовать. Но надобность въ постройкѣ острога была неотлагательная, а потому въ помощь къ нему были посланы на лыжахъ татарскій голова Кокоревъ и казачій голова Молчановъ, съ нѣкоторымъ числомъ служилыхъ людей. Соединясь въ Февраль слѣ-

дующаго 1618 года съ Харламовымъ, они безъ всякаго препятствія достигли до виденія въ Томь р. Кондомы и противъ устья этой рѣки, на восточномъ берегу Томи, выстроили острогъ. Потомъ Кокоревъ и Молчановъ съ своею командою ушли въ Томскъ, а сынъ Боярскій Харламовъ остался тамъ, потому что назначенъ былъ главнымъ начальникомъ новостроеннаго *Кузнецкаго острога*.

Мѣстоположеніе Кузнецкаго острога было не изъ самыхъ удобныхъ. Онъ выстроенъ былъ на краю берега подъ весьма высокою и круглою горю, а о постройкѣ на этой горѣ крѣпости для защищенія острога тогда никто не думалъ; она построена гораздо позже въ защиту отъ безпрестанныхъ тревогъ со стороны киргизовъ.

Вскорѣ послѣ основанія Кузнецкаго острога, было на него распространено дозволеніе селиться въ Сибири частнымъ лицамъ. Выходцы изъ городовъ Томска, Верхотурья и Новгорода, ознакомившись съ богатою мѣстностію края выгодною торговлею съ соседними народами и замѣтивъ богатый промыселъ пушчыхъ звѣрей, первые не замедлили обзавестись въ немъ прочною осѣдлостію.

Въ 1621 г. какъ видно изъ грамоты, охраняющей въ Кузнецкомъ Преображенскомъ Соборѣ, по благословенію Патриарха Филарета, воздвигнуть въ Кузнецкѣ первый деревянный храмъ во имя Преображенія Господня. Но недостаточность обывателей была такъ велика, что имъ не начго было устроить иконостасъ. Велѣдшіе этого, въ Москву посланы были казаки Владимиръ Аверкиевъ и дѣнь Филипповъ ходатайствовать у Царя Михаила Осодоровича о пособіи для новаго храма. Царь прислалъ при грамотѣ отъ 23 Декабря 1623 г. делеусъ, семь иконъ длиною получетверти пяди,

царскія двери соснатицели, со столбцы и съ стѣнью, образъ мѣстный Преображенія Господня, ларию пяти пядей, вънецъ на золотѣ, запрестольный образъ Богородицы, деревянный воздвизальный крестъ, два колокола въ пудъ безъ 1/4 фунта въ омутъ, сосуды свашенные оловянные, ризы миткалевныя, ошлецы бархатное, стихарь полотняный, ошлецы выбойчатое, анитрихаль, поручи выбойчатые же и жестяный поясъ.

Между тѣмъ населеніе Кузнецка шло довольно хорошо, такъ что въ 1622 г. оны были уже возведены на стѣну города, хотя, по привычкѣ, въ официальныхъ актахъ его долго называли еще острогомъ.

Изъ краткаго показанія о бывшихъ въ Сибири воеводѣхъ, между прочимъ видно, что со времени основанія Кузнецка, т. е. съ 1617 г. по 1656 г., несмотря на незначительность, въ немъ на кормленіи перебывало 14 воеводъ, изъ довольно извѣстныхъ фамилій. Таковы наприкладъ, Бабарыкинъ, Аничковъ, Баскаковъ, Голенищевъ—Кутузовъ, князь Волхонскій, Нащекинъ и Зубовъ. Все это время и даже позднѣе Кузнецкъ не былъ безопасенъ отъ нападений то Киргизовъ то Теленгутовъ; и потому требовалъ правителей расторопныхъ и знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ. Извѣстно, что до самой смерти Галдэмъ Черена, т. е. до 1745 г., Теленгуты не переставали нападать на него, слѣдуя преданію, что границею Кузнецкаго уѣзда, съ юга и запада, должна быть черта по р. Томи и Кондомы, сливающихся невдалекѣ отъ города. Разумѣется, что вовсехъ этихъ нападенийхъ, волею или неволею, немогли не принимать участія и мѣстные Татары. По крайней мѣрѣ, народныя пѣсни и преданія ихъ прославляютъ не одного героя, увѣковѣчившаго свое

ния въ борьбѣ съ русскими. Изъ нихъ въ особенности извѣстна имя богатыря Канзы, о которомъ и теперь еще можно слышать интересныя разсказы между Кузнецкими и Сагайскими Татарами. При такомъ тревожномъ положеніи дѣлъ, требовавшемъ отъ Воеводъ постоянной готовности къ отпору, весьма естественно, что въ Кузнецкѣ постоянно было, на случай надобности, значительное число дѣтей Боярскихъ, конныхъ и пѣшихъ казаковъ и другихъ служилыхъ людей.

Если къ этимъ свѣденіямъ о Кузнецкѣ мы добавимъ еще, что, со времени раздѣленія Имперіи на губерніи, онъ былъ причисленъ къ уѣзднымъ городамъ Сибирской губерніи, потомъ, въ 1783 г., къ Колыванскому намѣстничеству, далѣе въ 1796 г. къ Тобольской и, наконецъ, въ 1822 г. къ Томской губерніи, то это будетъ почти все, что можно сказать объ немъ въ историческомъ отношеніи.

Въ 1867 году въ Кузнецкѣ считается жителей 2627 д. обоюго пола; церквей православныхъ 3, заводовъ и фабрикъ 11, промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній 6.

Между тѣмъ, какъ Великій Князь осматривалъ въ Кузнецкѣ все, достойное вниманія, экипажи Его и свиты направились въ с. Христорождественское, отстоящее отъ переправы чрезъ Гомъ не болѣе, какъ въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ, и дожидались тамъ Его Высочества.

Въ часъ пополудни Великій Князь прибылъ въ с. Христорождественское и отправился далѣе по направленію къ Томску. Эготъ переѣздъ въ 365 верстъ совершенъ Имъ почти безостановочно, кромѣ ночлега съ 8 на 9 Іюля въ с. Терешкинскомъ.

9 Іюля день съ утра былъ пасмурный, но потомъ прояснѣло. Въ 9 часовъ вечера, когда

Великій Князь находился въ с. Тарасовскомъ, Томскій Губернаторъ оставилъ поѣздъ Его Высочества, чтобы встрѣтить Его въ Томскѣ.

Дорога отъ Кузнецка до Томска пролегаетъ по мѣстности гладкой, пересѣкаемой только самыми незначительными возвышенностями. Почва земли—черноземная и все эти мѣста весьма плодородны. Въ 75 верстахъ отъ Томска, Кузнецкій земскій трактъ, которымъ слѣдовалъ Великій Князь, выходилъ на большой Сибирскій.

10 Юля въ 5 часу вечера Его Высочество прибылъ въ Томскѣ.

VI.

Въ началѣ XVII в. мѣстность нынѣшняго Томска была обитаема Татарскими племенами, изъ которыхъ главнымъ считало себя племя Еушта или просто Еуштицы. Герберштейнъ называетъ ихъ Крустинцами, а Штраленбергъ Гаустивцами. Нынѣ единственный остатокъ этого племени проживаетъ въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Томска въ селеніи Еуштинскія юрты. Въ 1604 году, князецъ ихъ, по имени Тоянъ, видя, что русскіе болѣе и болѣе покоряютъ туземные племена и что таже самая участь предстоить и его племени, счелъ за лучшее покориться добровольно болѣе сильному пришлецу. Съ этою цѣлю онъ отправился въ Москву и 25 Марта подалъ Царю Борису Оеодоровичу челобитную, въ силу которой принялъ наше подданство самъ со всею своимъ родомъ и со всею подвластнымъ ему племенемъ въ числѣ 300 человекъ. Такое предложеніе не могло быть не принято царскимъ дворомъ и, вслѣдствіе этого, казачьему головѣ Гаврилѣ Писемскому и сыну боярскому Василью Тыркову тог-

да же приказано было во владѣніяхъ Буштинскихъ татаръ построить городъ. Этотъ городъ былъ Томскъ. Выбираемая для него Писемскимъ и Тырковымъ мѣстность была самая удобнѣйшая, какая только представлялась, — именно мѣстность недалеко отъ впаденія рѣки Томи въ Обь. Въ 60 верстахъ отъ устья Томи, на правомъ или восточномъ ея берегу, находится значительное возвышеніе, которое показалось строителямъ самымъ удобнымъ для новаго города. Съ рѣчной стороны, гдѣ всходъ на это возвышеніе круче всѣхъ другихъ мѣстъ, они срубили деревянное укрѣпленіе, а за нимъ, на той же горѣ, отвели мѣсто подъ обывательскіе дома, огородивъ его стоячимъ тыномъ. По всей вѣроятности, это нынѣшняя Воскресенская часть Томска. Впоследствии времени, когда число жителей здѣсь значительно увеличилось, обыватели стали застраивать и ниже лежащія мѣста подъ горою, до самаго крайняго берега рѣки Томи. Но этой низменной части, какъ извѣстно, течетъ рѣчка Ушай или Ушайка, впадающая въ Томь. Что касается до плодородія окрестностей, то, по словамъ Миллера, его нельзя достаточно выхвалить.

«Земля вездѣ такъ тучна и черна, что ни когда не надобно оную укладывать навозомъ, и притомъ такъ рыхла, что земледѣльцу отъ того въ трудахъ его бываетъ не малое облегченіе.» О самой постройкѣ Томска, Миллеръ не могъ найти въ архивахъ ни какихъ свѣдѣній; однакожь, по его замѣчанію, причиной должно было употребиться не мало народа, такъ какъ самая постройка произведена была особенно усиленно. Между прочими, при этомъ находилось сто человекъ Кодскихъ остяковъ, вѣдь командою ихъ князца Онжи.

Буштинцы были первыми подданными ино-

родичами новатаго города. Какъ подчинившіеся добровольно, они ясачнымъ платежемъ не обложены, но поверстаны въ казацкую службу, а это въ прежнее время у Сибирскихъ инородцевъ считалось не маловажною наградою и особымъ доверіемъ со стороны правительства. Но въ данномъ первомъ Томскимъ воеводамъ наказѣ было написано, какъ обыкновенно тогда писалось, чтобы ясачныя волости въ каждомъ мѣстѣ причислялись къ ближайшимъ городамъ. На этомъ основаніи, Томскіе воеводы приписали къ своему присуду все теченіе рѣки Чулыма съ обитавшими по ней инородческими племенами, несмотря на то, что они уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ были обложены ясачкомъ отчасти изъ Сургутскаго острога, отчасти изъ Кетскаго. — Кетскій воевода было сильно возсталъ противъ этого; однакоже долженъ былъ уступить, видя, что самое положеніе Томска таково, что обуславливаетъ уже подчиненіе ему Чулымскихъ инородцевъ. Возражалъ ли кто либи противъ такого самоуправства Сургутскій воевода, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ, онъ не могъ быть имъ доволенъ уже потому одному, что до основанія Томска, т. е. до 1601 г., вся тамошняя страна была подчинена Сургуту.

Исторія г. Томска весьма замѣчательна и можетъ составить предметъ особенной монографіи. Въ теченіи двухсотъ шестидесяти четьрехъ лѣтънаго своего существованія, онъ сдѣлалъ много полезнаго для утвержденія и распространенія нашей власти въ предѣлахъ Сибири; но много и невгодъ терпѣлъ съ своей стороны отъ обружавшихъ его непріятелей. Въмѣстѣ съ утвержденіемъ и распространеніемъ русскаго владычества въ Азіи, онъ немало заботился о распространеніи торговли. Въ нас-

тоящее время, Томскъ, безспорно, рынокъ цѣлой Сибири. Но въ настоящемъ описаніи путешествія Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Владиміра Александровича, мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторые моменты жизни Томска, которые не могутъ, конечно, представить ни какой общей и еще менѣе, какъ бы намъ хотѣлось, живой картины минувшей жизни этого города.

Въ 1605 году, вельдетвіе ловкой политики Томскихъ воеводъ, принявъ русское подданство Теленгугскій князь Обакъ съ знатнѣйшими людьми изъ своего народа. Онъ принявъ присягу и обѣщавъ быть въ вѣчномъ послушаніи русскаго государя и когда потребуется служить ему въ полъ. Съ своей стороны, онъ просилъ освободить его народъ отъ платежа ясака и жить по близости Томска относительно перваго, ему объявлено, что освободить отъ платежа ясака его можетъ только самъ царь, для чего ему и должно ѣхать въ Москву; что же касается до проживанія по близости Томска, то это безпренятственно дозволено. Съ того времени, Теленгуты часто пріѣзжали въ Томскъ для продажи лошадей и рогатаго скота. Иногда вмѣстѣ съ ними приходили сюда и Калмыки, что дало мысль привести въ подданство и этотъ народъ.

Въ 1607 году въ Томскъ были уже Калмыцкіе послы и именемъ своихъ владѣльцевъ обѣщались быть въ подданствѣ Россіи, съ тѣмъ только, чтобы ихъ защитили отъ нападенія Монголовъ. Въ Москвѣ это извѣстіе принято было съ радостію; но возгорѣвшаяся между Калмыками и Монголами война заставила первыхъ откочевать слишкомъ далеко отъ Томска.

Потерпѣвъ неудачу съ этой стороны, Томскіе воеводы рѣшились вознаградить себя съ

другой—покореніемъ Кузнецкихъ Татаръ. Въ 1609 году съ нихъ были уже взяты первый ясакъ, а въ 1618 году среди самыхъ ихъ кочевьевъ построены Кузнецкій острогъ.

Въ 1609 г. въ Томскѣ замышлено было и другое, неменѣе важное предпріятіе. Посланные отсюда казаки дошли до Енисея, именно до впаденія въ него рѣкъ Абакана и Тубы, и покорили небольшіе народцы Маторовъ, Тубинцовъ и Есаровъ, которые до того времени платили дань Монгольскому хану Алтыну.

Въ томъ же самомъ году, но только въ совершенно другомъ направленіи, другой отрядъ казаковъ достигъ Енисея нѣсколькими градусами сѣвернѣе. Они пробрались по р. Кеми и обложили ясакомъ какую-то волость или племя, имя котораго не сохранилось. Это были, по всей вѣроятности, Енисейскіе остяки.

Но въ томъ же самомъ году, Томску угрожала страшная опасность отъ набѣга Киргизовъ. Миллеръ рассказываетъ это событіе такъ: «Киргизы тогда дѣла свои расположили такъ, что заводилно городъ и все онаго обыватели въ великой опасности находилась. Все ясашные и самые въ російской службѣ находившіеся татары киргизскую сторону приняли. Они между собою соединившись въ то самое время, когда почти каждый на полѣ работалъ, а именно Юля 8 дня умышленное ими нападеніе нечаянно въ дѣйствіе произвели. Наибольше все то, что за городомъ находилось, свирѣпости и хищности ихъ было подвержено. Множество людей было побито, бывшій на полѣ хлѣбъ отчасти пожженъ, а отчасти потоптанъ и весь скотъ непріятелю въ добычу достался. Киргизы ударилась было и на самый городъ, токмо горьдскіе жители, учиня сильную вылазку и разбивши непріятелей, ихъ въ бѣгъ обратили».

Киргизскаго князца Найна убили и храбростию своею весь уѣздъ отъ хищнаго сего народа очистили.»

Въ 1617 году Томскіе казаки ходили для усмиренія Киргизовъ въ верховья Чулыма, взяли—приступомъ три ихъ городка, произвели страшное кровопролитіе и принудили киргизовъ принять присягу на подданство. При этомъ съ нихъ взята была нѣкоторая часть ясаку.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ году, Томскіе казаки снова ходили на Енисей, вѣроятно по Кемю и обложили ясакомъ Буклинскую волость. Миллеръ полагаетъ, что Буклинцы жили нѣсколько выше нынѣшняго Енисейска или на мѣстѣ его. По видимому, это были также остяки.

Въ 1629 г. г. Томскъ сдѣланъ былъ разрядомъ или провинціальнымъ городомъ, находясь до того времени, по крайнѣй мѣрѣ номинально, въ зависимости отъ Тобольска. Тогда ему подчинились остроги: Сургутскій, Нарымскій, Кетскій, Кузнецкій, Енисейскій и Красноярскій. Въ послѣдствіи, умножавшееся населеніе въ восточныхъ странахъ заставило перевести разрядъ въ Енисейскъ, а Томскъ былъ снова подчиненъ Тобольску.

Въ 1648 г. въ Томскѣ вмѣсто сгорѣвшаго острога построень новый.

Въ 1663 году построень Алексѣевскій Томскій монастырь, по грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича старцемъ Ефремомъ.

Въ 1719 г., при раздѣленіи губерній на провинціи, Томскъ сперва причисленъ къ Енисейску, а съ 1727 г. сталъ зависѣть отъ Тобольска.

Въ 1782 году, при учрежденіи Тобольскаго намѣстничества, Томскъ сдѣланъ областнымъ городомъ и къ нему были приписаны шесть

уѣздныхъ городовъ — Ачинскъ, Красноярскъ, Енисейскъ, Туруханскъ, Нарымъ и Кавинскъ.

Въ 1797 году Томскъ переименованъ уѣзднымъ, и въ 1800 сдѣланъ губернскимъ городомъ, каковымъ оставленъ и при последнемъ распределеніи Сибирскихъ губерній и областей въ 1822 году.

Мы уже упомянули, что Томскъ основанъ казацкимъ головою Писемскимъ и боярскимъ сыномъ Тырковымъ. Миллеръ называетъ ихъ же и первыми воеводами. Но изъ краткаго показанія о бывшихъ въ Сибири воеводахъ, видно, что первыми воеводами въ немъ были Василій Васильевичъ Вольскій и Михаилъ Игнатьевичъ Новосильцовъ. Пробрѣгая далѣе этотъ списокъ, доведенный до 1688 года и заключающій въ себѣ имена 48 воеводъ, мы находимъ въ немъ лучшія аристократическія фамиліи тогдашняго времени — Бобарыкиныхъ, князей Шаховскихъ, Гагариныхъ, Козловскихъ, Пронскихъ, Татевыхъ, Егуновыхъ, Черкасскихъ, Ромадоповскихъ, Лобановыхъ — Ростовскихъ, Масальскихъ, Щербатовыхъ, Барятинскихъ, Львовыхъ, Бутуриныхъ, Волынскихъ, Бартеневыхъ — Чулковыхъ и т. п. Многіе изъ нихъ были стольниками, — слѣдовательно, занимали довольно важный классъ въ тогдашней табели о рангахъ.

Томскъ находится подъ $56^{\circ} 30'$ с. ш. и $102^{\circ} 38'$ в. д. на большомъ Сибирскомъ тракту, возвышаясь на 300 рус. ф. надъ уровнемъ моря. Разстояніе его отъ С.-Петербурга 4214 в., отъ Москвы 3518 и отъ Тобольска, прежняго пункта администраціи края, въ 1430 верстахъ. Топографія его намъ уже извѣстна изъ приведенной выше замѣтки Миллера. Замѣтимъ только, что рѣдкій путешественникъ не любовался мѣстоположеніемъ Томска, въ особенности лѣтомъ,

когда онъ тонетъ въ окружающей его водѣ. Самый лучший видъ города представляется съ рѣки Томи, когда ѣдешь къ нему на пароходъ.

Въ настоящее время въ Томскѣ считается жителей 23500 д. обоюго пола; церквей православныхъ 14 и иновѣрческихъ 7; заводовъ 62; фабрикъ 27; промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній 68.

Съ 15 Декабря по 15 Января здѣсь бываетъ ежегодно ярмарка подъ названіемъ Томской. Торгуютъ, большую частью, мѣстные купцы. Предметы торговли—хлѣбъ, соль, скотъ и мясо, рыба, медъ, воскъ и разныя крестьянскія издѣлія.

О пребываніи Великаго Князя въ Томскѣ позволяемъ себѣ помѣстить рассказъ, напечатанный въ 27 № Томскихъ губернскихъ вѣдомостей.

«Его Императорское Высочество, прибыль въ Томскъ 10 Июля въ 5-мъ часу вечера. На лѣвомъ берегу Томи ожидала Его лодка, приготовленная городскимъ обществомъ для этого случая. Рулевымъ и гребцами на ней были здѣшніе купцы.—На правомъ берегу встрѣтило высочаго, дорогаго посетителя едвали не все народонаселеніе города и его окрестностей. Описание восторга, съ которымъ толпа приветствовала Его Высочество, не поддается перу.—Какъ то боишься выразить словами и придавать характеръ официальности—простымъ, горячимъ, искреннимъ чувствамъ, которыя выливаются беззавѣтно изъ глубины сердца народа. . . .

Великій Князь отправился прямо съ переезда въ Соборъ, оттуда въ домъ Г. Асташева, приготовленный для Его пребыванія, въ которомъ ожидали Его должностныя лица и городское общество. На другой день, 11 числа,—Его Высочество принималъ депутаціи изъ Восточной

Сибирь: Иркутскую, Красноярскую, Забайкальскую, привезши. Его Высочеству хлебъ-соль изъ отдаленныхъ мѣстностей Сибири. Вечеромъ Великій Князь посѣтилъ здѣшній театръ, на которомъ Иркутская труппа антрепренера Краузе очень удачно представила драму «Отецъ и дочь» и водевилъ «Бѣда отъ избытка сердца». Во время спектакля произошло малевское замѣшательство, воиномъ котораго была упавшій шкаликъ, зажегшій въ упомянутый надъ подъѣздомъ щитъ. Дымъ, проникнувъ въ залу, напугалъ публику, изъ которой часть которой встала съ своихъ мѣстъ; въроятно, панической страхъ сообщился бы и остальной части зрителей, еслибы Его Высочество и всѣ окружающіе его лица, сохранявъ совершенное спокойствіе, не ободрили бы публику словами и примѣромъ. Сознавъ несерьезность происшуда, вышедшіе зрители тотчасъ вернулись и наполнили снова ложи.

12 го числа Его Высочество обозрѣвалъ воинскій госпиталь, казармы, арестантскую роту, заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія, острогъ, дѣтскій тюремный пріютъ и находящуюся при немъ мастерскую, гдѣ соблаговолилъ принять поднесенныя Комитетомъ дѣтей, — мужскую и женскую гимназіи Маринскій пріютъ г. Асташева, еврейскую синагогу и учрежденную при ней богадельню. Вечеромъ Великій Князь удостоилъ своимъ повѣщеніемъ балъ, данный въ честь Его здѣшнимъ городскимъ обществомъ, въ зданіи Музыки, совершенно перестроенной по этому случаю. Появленіе Великаго Князя въ средѣ общества, съ волненіемъ ожидавшаго своего дорогаго Гостя, распространило въ немъ невыразимую радость. Эта свѣтлая радость была нарушена случаемъ, который сильно взволновалъ публику, пока не

былъ разъясненъ. Вызванный на балконъ восторженными криками народа, Великій Князь былъ имъ привѣтствуемъ неумолкаемыми кликами ура. Едва Его Высочество снова вошелъ въ залу, клики эти перешли внезапно въ вопль. Въ толпѣ послышались слова: пистолеть, убійца, народъ кинулся на человека, который едва былъ спасенъ неимоверными усиліями Полиціи. Народъ сильно волновался подъ внушеніемъ неясно сознаваемого, но ужаснаго сомнѣнія. Однако волненіе это, свидѣтельствующее о любви народа къ Царственному Посѣтителю, было весьма непродолжительно, происшествіе скоро разъяснилось, народъ совершенно успокоился и тишина водворилась. Между тѣмъ вотъ что произошло: нѣкто Фроловъ, помощникъ шкипера, прибывъ по подряднымъ дѣламъ и получивъ здѣсь значительную сумму денегъ, носилъ при себѣ постоянно, для безопасности, заряженный револьверъ, купленный имъ у одного пассажира на пароходѣ, по пути изъ Нижняго въ Пермь. Вязниковскій мѣщанинъ Зобнинъ человекъ весьма сомнительной нравственности, часто замѣченный въ разныхъ проступкахъ, будучи знакомъ съ Фроловымъ и зная его привычку носить на себѣ револьверъ, пригласилъ его вечеромъ 12-го числа посмотреть на иллюминацію. Придя на площадь передъ зданіемъ Думы, Фроловъ и Зобнинъ смотрѣли на освѣщенные окна, изъ которыхъ видны были танцующіе. Выбранъ минуту когда восторгъ народа разразился криками при появленіи на балконѣ Великаго Князя, Зобнинъ схватилъ своего товарища и закричалъ народу, что это убійца, при чемъ сорванъ былъ висѣвшій у Фролова на спинѣ поддевкой на ремнѣ пистолеть и требовалъ себя наглымъ образомъ награды за уничтоженіе

злаго умысла. Легко себѣ представить ужасъ и негодованіе толпы при намекѣ на угрожающую будто бы Его Высочеству опасность. Въмѣшательство начальства и усилія полиціи спасли однако жизнь несчастнаго Фролова, котораго, вмѣстѣ съ его обвинителемъ, тотчасъ арестовали и препроводили въ присутствіе частной управы для снѣтія допросовъ. Фроловъ не мало не колеблясь призналъ пистолетъ за свой. Показанія его подтвердились свидѣтельствомъ лицъ, знавшихъ его въ городѣ; невинность его доказана и желаніе мѣщанина Зобнина разыграть роль спасителя оказалось тщетнымъ. Объ этомъ происшествіи производится строжайшее слѣдствіе, подробности котораго будутъ въ свое время преданы гласности.»

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ на время прервать дальнѣйшій разсказъ о пребываніи въ Томскѣ Великаго Князя, чтобы дать мѣсто тѣмъ фактамъ, которые открыты слѣдствіемъ о покушеніи, будто-бы, на жизнь Его Высочества. *)

Безсрочно-отпускной унтеръ-офицеръ 1-го флотскаго экипажа Степанъ Фроловъ прибылъ въ Томскъ изъ Петербурга 29 Мая 1868 г. и остановился въ гостинницѣ „Америка“, которую содержалъ крестьянинъ Назаровъ. Фролову 35 лѣтъ; въ штрафахъ и подъ судомъ онъ не бывалъ; имѣетъ знакъ отличія за службу на Кавказѣ и бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ. Цель поѣздки его въ Томскъ была по дѣламъ о перевозкѣ телеграфныхъ матеріаловъ въ Красноярскъ и Иркутскъ. Кромѣ денегъ, привезенныхъ съ со-

*) Слѣдствіе окончено и дополняется нѣкоторыми, впрочемъ, незначительными сдѣлками.

бою (до 170 р.); Фроловъ получалъ на этотъ предметъ изъ здѣшняго Отдѣленія Государственнаго Банка 3 т. р. Во все время пребыванія своего въ гостинницѣ „Америка“, Фроловъ велъ жизнь скромную и изъ квартиры ни куда не выходилъ, кромѣ только для пріема вещей съ парохода и отправки ихъ далѣе въ Сибирь. Въ число необходимыхъ принадлежностей путешественника, Фроловъ привезъ съ собою въ гостинницу шестиствольный пистолеть, купленный имъ въ Парижѣ у одного оружейника, имени котораго онъ не знаетъ. Этотъ пистолеть онъ пріобрѣлъ съ цѣлю охранять свою безопасность во время пути, слыша отъ многихъ, что въ Сибири надо быть осторожнымъ. Сперва Фроловъ зарядилъ его въ Екатеринбургѣ и два раза, на дорогѣ, стрѣлялъ изъ него утокъ, но, какъ плохой стрѣлокъ, ни разу не попалъ. По прибытіи въ Томскъ, Фроловъ зарядилъ пистолеть и потомъ 19 или 20 Іюня снова зарядилъ его и постоянно, когда выходилъ изъ дома, носилъ при себѣ, а дома ни отъ кого не скрывалъ и отдавалъ прятать хозяину, или клалъ къ себѣ подъ подушку, когда ложился спать. Въ гостинницѣ „Америка“ Фроловъ познакомился съ штабсъ-капитаномъ Борисовымъ, отправлявшимся съ женою въ Иркутскъ, и у г. Борисова онъ встрѣтился съ новою личностію—Вязниковскимъ мѣщаниномъ Василиемъ Зобнинымъ. Зобнинъ 32 лѣтъ, и прежде служилъ довѣреннымъ у разныхъ лицъ въ Иркутскѣ, аттестуясь ими съ хорошей стороны; въ последнее время онъ занятъ ни какихъ не имѣлъ и состоитъ здѣсь подъ слѣдствіемъ о покражѣ у крестьянина Пяткова денегъ со шкатулкою; по этому случаю въ Томскѣ Зобнинъ проживаетъ съ Сентября мѣсяца 1867 г.— Поводомъ знакомства штабсъ-капи-

тана Борисова съ Зобнинымъ было то, что Зобнинъ просилъ г. Борисова взять его попутчикомъ до Иркутска и такъ какъ для этаго нужны были деньги, то Зобнинъ продалъ Фролову свой полушубокъ за 8 р. с. Это было 9 Юля, на канунъ дня, въ который Назаровъ закрылъ свою гостиницу и переѣхалъ въ другую квартиру, въ солдатскую слободку. Вмѣстѣ съ нимъ переѣхали гг. Борисовъ и Фроловъ. Въ тотъ же день, въ вечеру, когда, послѣ продажи полушубка, Фроловъ и Зобнинъ пили водку, Назаровъ, находившійся при этомъ замѣтилъ, что Зобнинъ притворился пьянымъ и сталъ звать Фролова къ себѣ на квартиру. Видя такую хитрость и опасаясь, чтобы не случилось чего либо худаго, такъ какъ у Фролова были деньги, которыя могъ видѣть Зобнинъ, Назаровъ на этотъ разъ уговорилъ Фролова остаться у него хотя переночевать. Зобнинъ тоже просилъ его объ этомъ, но хозяинъ квартиры не изъявилъ на это согласія; а потому Зобнинъ и ушелъ домой. Однакоже, на другой день, Фроловъ все таки переѣхалъ въ квартиру Кольванскаго мѣщанина Василя Данилова, гдѣ проживалъ Зобнинъ. Во время квартированія у Данилова, Зобнинъ ни чѣмъ не занимался и дома бывалъ рѣдко, приходя только ночевать, а на вопросъ хозяина—гдѣ былъ—постоянно отвѣчалъ: «не твое дѣло—хлопочу по своимъ дѣламъ». На квартирѣ Данилова, Фроловъ хотѣлъ остаться не болѣе двухъ недѣль, собираясь ѣхать въ С. Петербургъ. Здѣсь, какъ и въ гостинницѣ и въ квартирѣ Назарова, онъ велъ себя скромно, знакомства ни какого не имѣлъ, а находившійся у него пистолеть ни отъ кого не скрывалъ. 11 Юля онъ вмѣстѣ съ Зобнинымъ часу въ десятомъ вечера отправились смотрѣть иллюминацію, при

чемъ Зобнинъ уговорилъ Фролова взять съ собою пистолетъ, говоря, что боится ходить безъ оружія. Впрочемъ, они гуляли не долго и скоро возвратились. 12 Іюля, вечеромъ, Фроловъ вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры пилъ чай, какъ вдругъ пришелъ Зобнинъ и сталъ просить водки. Фроловъ согласился, послалъ за водкой и выпили все по два шкалика. Послѣ этого Зобнинъ сталъ звать Фролова идти на иллюминацію и кричать «ура» убѣждая его взять съ собой и пистолетъ. Фроловъ согласился и Зобнинъ самъ повѣсилъ его Фролову черезъ плечо. Потомъ они отправились. Когда Фроловъ и Зобнинъ достигли дома Городскаго общества и стали противъ балкона, то Зобнинъ схватилъ Фролова поперекъ и закричалъ: „убійца, убійца“. Послѣдовавшее за тѣмъ извѣстно. Мѣсто, гдѣ находились тогда эти два лица, отстоитъ отъ балкона Градской Думы, по показанію Фролова, 6 с. и 5 четв., а по показанію Зобнина 5 саж. и 10 четв. По разсмотрѣніи экспертами пистолета, оказалось, что пистолетъ этотъ простой конструкціи о шести стволахъ, изъ которыхъ у двухъ нѣтъ подстержней; заряженъ на пять стволовъ, съ надѣтыми на 4-хъ подстержняхъ пистонами, а на пятомъ стволѣ, не смотря на то, что онъ заряженъ, не было пистона, по недостатку подстержня. Дуло пистолета длиною $2\frac{3}{4}$ вершка и толщиною въ соединеніи стволовъ одинъ вершокъ въ діаметрѣ. Стволы заряжены: 1-й четырнадцатью штука-ми дроби средняго калибра и свинцовою пластинкою въ родѣ жеребья, менѣе обыкновенной пули; 2-й, четырьмя дробинками того же размѣра и свинцовою пластинкою, болѣе обыкновенной пули; 3-й, одною свинцовою пластинкою, одинаковаго размѣра съ оказавшеюся во второмъ стволѣ; въ 4-мъ, въ которомъ нѣтъ

стержня, найдено четыре дробины и свинцовая пластинка величиною какъ въ первомъ, пороку же не оказалось; 5-й, девятью дробинами и пластинкою одного размѣра, какъ въ первомъ стволѣ. Пистоны обыкновенные охотничьи. По испытаніи этого пистолета посредствомъ стрѣльбы въ цѣль, эксперты заключили, что изъ него трудно было бы нанести какой либо вредъ, какъ по несоразмѣрности заряда, такъ и по положенію, въ которомъ долженъ бы былъ находиться стрѣлявшій, будучи, въ толпѣ народа, ночью и при томъ въ нетрезвомъ видѣ.

Продолжаемъ выписку изъ Губернскихъ вѣдомостей.

«Эпизодъ этотъ омрачилъ радость давно ожидаемаго съ радушіемъ и любовію приготовленнаго праздника. Но присутствіе Великаго Князя, пробывшаго болѣе 2-хъ часовъ на балѣ и принимавшаго участіе въ танцахъ, Его обходительность и доброта оставили обществу на вѣкъ неизгладимое, свѣтлое и глубокое впечатлѣніе.

На слѣдующій день, 13 числа Его Высочество изволилъ охотиться на тетеревей въ 12 верстахъ отъ города, а 14-го оставилъ Томскъ въ 4 часу по полудни. У перевоза собралась безчисленная толпа. Горы, площадь, крыши, подмостки, все было усыпано народомъ. На парадномъ плоту, у котораго стояла лодка Его Высочества, находились должностныя лица и всѣ дамы здѣшняго общества. При появленіи высокаго Путешественника, воздухъ огласился криками ура, съ которыми сливались привѣтствія, благословенія и пожеланія счастливаго пути присутствующихъ... и дорогой нашъ Гость оставилъ Томскъ среди искренныхъ выра-

женій теплою любви народа къ своему Царственному посѣтителю.»

Путь Великаго князя лежалъ по большому Сибирскому тракту на города Колывань и Канинскъ.

Въ первый день своего выѣзда изъ Томска, Великій Князь проѣхалъ только 75 верстъ и остановился въ селѣ Проскоковскомъ. Этому, совершенно незначительному селенію, выпало на долю такое счастье, какового не выпало на долю ни одному изъ городовъ Томской губерніи. Въ немъ Его Высочество предположилъ провести день своего тезоименитства, 15 Юля. Чтобы совершить благодарственное молебствіе по этому торжественному случаю, въ с. Проскоковскомъ уже находился Преосвященный Алексій и Ректоръ Томской Семинаріи Архимандритъ Моисей.

Замѣтимъ кстати, что до того времени въ храмъ с. Проскоковского никогда еще не совершалось архіерейскаго служенія,

Великій Князь помѣстился въ домѣ почтовой станціи; свита и другія лица, сопутствовавшія Ему, въ домахъ обывателей.

Въ понедѣльникъ, 15 Юля, день былъ необыкновенно жаркій. Съ раняго утра село Проскоковское стало наполняться народомъ, который толпами валилъ изъ окрестныхъ деревень. Около помѣщенія Его Высочества нѣ было почти ни какой возможности протолкнуться.

Въ половинѣ девятаго часа Великій Князь благосклонно принялъ поздравленіе, кромѣ лицъ, составлявшихъ Его свиту, отъ Генераль-Губернатора Западной Сибири, Томскаго Губернатора и нѣкоторыхъ другихъ. Въ 9 часовъ послѣ молебна, Онъ прибылъ въ церковь и выслушавъ обѣдню, которую совершали Преосвященный Алексій, Архимандритъ Моисей,

прибывшій изъ Томска Протоіерей и мѣстный священникъ. Послѣ обѣдни Преосвященный поднесъ Его Высочеству образъ Его предка и патрона, Св. равноапостольнаго князя Владимира. Народъ торжественно привѣтствовалъ Великаго Князя, когда Онъ выходилъ изъ церкви.

Сейчасъ послѣ обѣдни, духовенство, Генераль-Губернаторъ и Губернаторъ были приглашены на чай къ Великому Князю, а въ 3 часа у Его Высочества былъ обѣдъ.

По недостатку помѣщенія на почтовой станціи, обѣденный столъ былъ приготовленъ во дворѣ, соседняго со станціей дома, подъ навѣсомъ, устроеннымъ для складки сѣна. Этотъ необыкновенный залъ былъ однако же очень удобенъ: полъ навѣса былъ устланъ свѣжею, только что скошенной травою; стѣны обставлены березами и черемухой; свѣжій воздухъ навѣвалъ прохладу. Обѣдъ прошолъ чрезвычайно оживленно. Уже давно не видали Великаго Князя, въ такомъ отличномъ расположеніи духа.

Въ этотъ день Его Высочество, по собственному Его выраженію, получилъ отъ всюду кучу адресовъ съ принесеніемъ Ему поздравленій. Даже за самымъ обѣдомъ онъ получилъ телеграмму съ поздравленіемъ Его со днемъ тезоименитства отъ Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя, Александра Александровича, и Его супруги.

Первоначально Великій Князь предполагалъ остаться въ с. Проскоковскомъ весь день 15 Іюля; но чувствуя себя здоровымъ и дорожа временемъ, Онъ рѣшился ѣхать въ 10 часовъ вечера далѣе.

Передъ отъѣздомъ изъ с. Проскоковскаго, Его Высочество подарилъ свой портретъ для

находящагося въ Томскѣ при тюремномъ замкѣ дѣтскаго пріюта; въ послѣдствіи времени Онъ дозволилъ называться этому пріюту «Владимірскимъ».

Около 10 часовъ вечера Великокняжескій поѣздъ двинулся далѣе.—Ночь была лунная, но довольно холодная.

Дорога между Томскомъ и Колыванью пролегаетъ, большею частію, по мѣстамъ ровнымъ. Селенія довольно часты и раскинуты живописно: почти подлѣ cadaго изъ нихъ находится роща. Съ приближеніемъ къ Оби, начинается сосновый боръ.

Въ 7 часовъ утра 16 Іюля Великій Князь перенравился у деревни Дубровиной чрезъ Обь, а въ 11 часовъ прибылъ въ заштатный городъ Колывань.

VII.

Говоря о г. Барнауль, мы упомянули, что въ новѣйшее время горное дѣло на Алтаѣ основано Акинфіемъ Демидовымъ. Въ 1723 г. одна изъ его партій, посланныхъ для развѣдки рудъ, достигла до горы Синюхи, около Колыванскаго озера, и нашла тутъ старыя чудскія копи. Черезъ три года, на рѣчкѣ Локтевѣ былъ уже основанъ первый медиплавильный заводъ, названный Колыванскимъ. Впослѣдствіи времени въ разныхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Алтаю, устраивались другіе заводы и всѣ они, по имени перваго, назывались Колывано-Воскресенскими. Название перваго завода на Алтаѣ дало правительству мысль назвать по его имени цѣлое намѣстничество, открытое 19 Іюня 1780 года. Колыванское Намѣстничество, называвшееся сперва областью, а потомъ, съ 19 Іюля 1783 г., переименованное въ губернію,

на основаніи Высочайшаго указа 9 Марта того же года, имѣло огромныя размѣры. Въ «пространномъ землеописаніи Россійскаго государства,» составленномъ Коммисією о учрежденіи училищъ около времени открытія Колыванской губерніи и изданнаго по Высочайшему повеленію въ 1787 г., говорится, что «Колыванское намѣстничество смѣжно съ намѣстничествами Тобольскимъ и Иркутскимъ, съ землею Киргизъ-Кайсаковъ, съ Сагарією и Монголією, простираясь отъ южныхъ границъ Сибири, вдоль верхней части Оби и Енисея, до Тобольскаго намѣстничества. Западныя границы онаго составляетъ рѣка Иртышъ, а знатную часть восточныхъ границъ рѣка Кань». Такимъ образомъ, по приблизительному вычисленію, она занимала площадь около 557000 кв. верстъ. Колыванская область дѣлилась на четыре уѣзда: Барнаульскій, Томскій, Кузнецкій и Бурлинскій. Послѣдній уѣздъ предполагалось назвать по Бурлинской волости, находящейся нынѣ въ Барнаульскомъ округѣ, гдѣ въ селѣ Крутишинскомъ существовалъ нѣкогда небольшой острогъ противу набѣговъ Киргизовъ и Калмыковъ. 12 Мая 1783 года Колыванскую область велѣно было переименовать въ губернію. Новая губернія считала уже въ своемъ вѣденіи пять уѣздовъ,—именно: Колыванскій, Бійскій, Кузнецкій, Семипалатинскій и Красноярскій. Всѣ эти уѣзды были образованы или, лучше сказать, выдѣлены изъ прежде бывшихъ уѣздовъ Томскаго, Кузнецкаго и Красноярскаго и притомъ такъ, что часть этихъ послѣднихъ, по проведеніи новыхъ границъ, отошла то въ Тобольскую, то въ Иркутскую губернію.—Губернскому городу новой губерніи велѣно быть въ Берскомъ острогѣ, переименовавъ его въ

городъ Колывань. Берскій острогъ, на правомъ, по теченію, берегу Оби, былъ одинъ изъ тѣхъ небольшихъ острожковъ, которые въ старину строились вездѣ, гдѣ представлялась необходимость въ видахъ администраціи. Этотъ острожекъ, подобно упомянутому выше Бурлинскому, отстоя отъ него съ небольшимъ въ 200 верстахъ ниже по Оби, былъ также устроенъ противу набѣговъ Киргизовъ и Калмыковъ. Нынѣ село Берское—одно изъ лучшихъ селъ Барнаульскаго округа, съ удобною пристанью, гдѣ грузится хлѣбъ, сплавающійся внизъ по Оби. Теперешніе обитатели его и не помнятъ, чтобы когда нибудь этому селу предстояло назначеніе играть роль губернскаго города. Въ 1797 году, 2 Ноября, этотъ городъ упраздненъ. Однакоже мысль назвать Колыванью хотя одинъ изъ городовъ бывшей Колыванской области не оставляла правительство до послѣдняго времени и, въ осуществленіе ея, при послѣднемъ образованіи Сибирскихъ губерній и областей, 22 Юля 1822 г., это имя дано бывшему Чаускому острогу.

Этотъ острогъ основанъ былъ, нѣсколько ниже нынѣшняго города, въ 1713 году, для защиты противъ набѣговъ Киргизовъ, въ 216 верстахъ къ ю. з. отъ Томска, въ долину р. Оби, на рѣчкѣ Чаусъ, подъ $55^{\circ} 21'$ с. ш. и $100^{\circ} 26'$ в. д. Съ переименованіемъ Чауска въ городъ Колывань, онъ назначенъ губернскимъ городомъ Томской губерніи. Однакоже, это признано вскорѣ не удобнымъ и 14 Юня 1823 г. онъ оставленъ уѣзднымъ городомъ этой губерніи, а въ 1856 г. заштатнымъ; при чемъ жителямъ дозволено переселиться на болѣе удобное мѣсто, на горѣ такъ какъ низменное положеніе прежняго города было неудобно по

случаю ежегоднаго затопленія его водами р. Оби.

Въ 1867 г. населеніе Колывани простира-лось до 3500 д. обоюго пола, заводовъ и фаб-рикъ, кромѣ кирпичнаго ни какихъ нѣтъ.

Въ Колывани существуетъ ярмарка, подъ названіемъ Екатерининской, продолжающаяся съ 24 Ноября по 9 Декабря.

При въѣздѣ въ Колывань, Великаго Князя встрѣтила огромная масса народа, собравшаго-ся изъ ближнихъ и дальнихъ деревень, и про-вожала Его до церкви, гдѣ Его Высочество изволялъ остановиться. Онъ принялъ поднесен-ную Ему хлѣбъ-соль и удалился въ пригото-вленное для Него помѣщеніе.

Послѣ обѣда, въ 1 часъ по полудни, ве-лико-княжескій поѣздъ двинулся въ дальнѣй-шій путь. Но Секретарь Его Высочества Сы-тинъ, заболѣвшій еще въ Томскѣ, не могъ слѣдовать далѣе. Его уговорили отправиться отсюда въ Барнаулъ, гдѣ можно найти болѣе медицинскаго пособія, поправиться тамъ здо-ровіемъ и потомъ, если возможно, догнать Ве-ликаго Князя.

Чрезъ двѣ станціи отъ Колывани, начи-нается Каинскій округъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Ба-рабинская степь или, какъ ее обыкновенно на-зываютъ, Бараба.

Барабою въ обширномъ смыслѣ называет-ся въ Западной Сибири обширная и низменная степь, простирающаяся между Обью и Ирты-шемъ и занимающая значительныя части Ка-инскаго и Томскаго округовъ Томской губерніи и Омскаго, Тарскаго и Сургутскаго Тобольской губерніи. Сѣверная часть Барабы, къ сѣверу отъ водораздѣла Оми и Оби, носитъ, обыкно-венно, названіе Васьюганской степи, южная, къ югу отъ параллели Барнаула, — Кулундин-

ской, средняя, простирающаяся преимущественно по обѣ стороны большого Сибирскаго тракта по Кайнскому округу, называется собственно Барабинскою. На всемъ протяженіи этой мѣстности по Кайнскому округу, нѣтъ ни одной горы, ни одного возвышенія. Дорога узкою лентою тянется почти по болоту. По сторонамъ ея мелкій лѣсъ уединенными группами известными здѣсь подъ названіемъ *колковъ*, то подходит близко, то отходитъ довольно далеко, оставляя обширныя поляны. Иногда виднѣются вдали небольшія озера. По Барабѣ, на протяженіи безъ малаго 300 верстъ, селенія, большею частію, бѣдныя: избы построены изъ осиноваго или березоваго лѣса и крыты дерномъ или берестой, церкви—деревянныя, старыя, безъ всякихъ украшеній. Бараба—мѣсто рожденіе сибирской язвы, которая бываетъ здѣсь нерѣдко, дѣйствуя не только на животныхъ, но и на людей. Населеніе Барабы состоитъ отчасти изъ Татаръ, известныхъ подъ названіемъ Барабинскихъ, отчасти изъ русскихъ, потомковъ тѣхъ ссыльныхъ, которые въ прежнее время поселялись на Барабѣ иногда вмѣсто катаржной работы. Путь по Барабѣ въ сухую погоду—превосходный, такъ что ничего незначить проѣхать всю ее въ одни сутки; но за то въ дождливую—нѣтъ ни чего утомительнѣе и невыносимѣе ѣзды по Барабѣ.

Во время проѣзда Великаго Князя стояла засуха и потому ѣзда по Барабѣ была превосходная. Кромѣ того, нынѣшнее лѣто отличалось еще—отсутствіемъ мошки, паута, комаровъ и т. п. насѣкомыхъ, которыми такъ богата Бараба и которые составляютъ истинное мученіе людей и животныхъ. Это явленіе, въ самомъ дѣлѣ очень рѣдкое, крестьяне приписывали проѣзду Великаго Князя.

Его Высочество проѣхалъ Барабуну очень скоро. 17 Июля въ 2 часа пополудни Онъ былъ уже въ Каинскъ. Умилительно было видѣть, съ какимъ восторгомъ и истиннымъ радушіемъ встрѣчалъ Его вездѣ народъ. Въ разныхъ мѣстахъ онъ становился на колѣни. Почти вездѣ, кромѣ хлѣба-соли, приносимой тотъ цѣлаго селенія, у каждаго дома, у каждой небольшой избенки былъ накрытъ особый столикъ и на немъ была поставлена особая хлѣбъ-соль. Всякій бѣднякъ думалъ, что Его Высочество можетъ подойти къ его домику и считатьъ возможнымъ встрѣтить Его безъ хлѣба-соли.

VIII.

Въ началѣ весны 1595 года первый воевода города Тары князь Елецкій предпринялъ походъ въ Барабинскую степь, или въ верхнюю часть рѣки Оми, чтобы покорить тамошнихъ татаръ, которые до того времени платили дань хану Кучуму и Нагайскому Мурзѣ Алею. Несмотря на то, что войско Елецкаго было не многочисленно и состояло только изъ 483 человекъ, походъ этотъ былъ очень счастливъ: все волости Барабинскихъ татаръ, послѣ незначительнаго сопротивленія, покорились. Однакожь, эта покорность была только видимая. Въ послѣдствіи времени они не разъ бунтовали и соединились съ Калмыками, имѣвшими притязаніе на обладаніе всею Барабинскою степью. Такіе безпорядки довольно трудно было унять и Тарскимъ воеводамъ. Гомскимъ, въ видѣніе которыхъ перешли Барабинцы послѣ основанія Томска: тотъ и другой административные пункты находились довольно далеко отъ войскъ Барабинскихъ татаръ. По этому му представилась необходимость построить хо-

тя небольшое укрѣпленіе вблизи самыхъ ихъ жилищъ. Такое укрѣпленіе однакоже построено въ 524 верстахъ къ з—ю—з. отъ Томска не ранее, какъ въ 1722 г. подъ названіемъ Каинскій Носъ. Оно находилось въ небольшомъ разстояніи отъ нынѣшняго города и тутъ помѣщался незначительный гарнизонъ. Около укрѣпленія скоро возникла слобода, перенесенная въ 1772 г. на нынѣшнее свое мѣсто. Въ 1782 году, при учрежденіи Тобольскаго намѣстничества изъ Тобольской губерніи и Томской области, слобода Каинскій Носъ, по мѣстнымъ удобствамъ, сдѣлана уѣзднымъ городомъ Томской области, а въ 1784 году этому городу данъ былъ особенный гербъ. Въ 1779 г. открыто было Кольванское намѣстничество и Каинскъ былъ причисленъ къ его составу; но 2 Ноября 1797 года последовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи Кольванской губерніи, съ тѣмъ, чтобы округность ея была прислана къ тѣмъ мѣстамъ, къ которымъ она принадлежала до 1779 г. Вслѣдствіе этого, Тобольскій Гражданскій Губернаторъ Годетой предназначилъ городъ Каинскъ уничтожить, а округъ его прислать къ Томскому. Но въ 1804 году последовало вновь распоряженіе о приведеніи Каинска въ то положеніе, въ какомъ онъ былъ до 1797 года, и о назначеніи его уѣзднымъ городомъ Томской губерніи. Въ этомъ же положеніи оставленъ онъ въ 1822 г., когда последовало новое образованіе Сибирскихъ губерній и областей. Каинскъ находится подъ 55° 21' сѣш. и 95° 57' восточнаго большаго Сибирскаго тракту на лѣвомъ берегу Оми при рѣчкѣ Каинскъ. Мѣстоположеніе ея обширная, низменная равнина. Взорамъ путешественника, будущаго или идущаго изъ глубины Сибири на западъ по глав-

ному Сибирскому тракту, съ высоты холма, покрытаго лѣсомъ, (Савкина грива) открывается незатѣливая панорама Каинска. Золоченный крестъ бѣлой каменной церкви возвышается почти посреди города, вдали на лѣво видѣется группа деревьевъ, а между ними мелькаютъ бѣлыя стѣны небольшой деревянной церкви— вотъ издали наружность Каинска, отстояшаго отъ Петербурга въ 3691 в. отъ Москвы въ 3014 и отъ своего губернскаго города въ 524 в.

Въ 1868 г. въ Каинскѣ было жителей обоего пола 3871 д.; церквей православныхъ 2 и иновѣрческихъ 2, заводовъ 11, промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній 7.

Торговая дѣятельность Каинскихъ жителей ограничивается Каинскимъ округомъ. Прикащики—довѣренные купцовъ торгуютъ, путешествуя по округу съ товарами. Въ самомъ городѣ, находится 16 частныхъ купеческихъ лавокъ и 24 общественныхъ лавки гостиннаго двора. Съ 8 по 16 Ноября въ Каинскѣ бываетъ ярмарка, подъ названіемъ Михайловской. Стеченіе народа бываетъ только изъ окрестныхъ мѣстъ, а требованіе ограничивается преимущественно желѣзными, мѣдными и деревянными издѣліями, шолковыми и бумажными товарами, сукномъ, полотномъ, чаемъ, сахаромъ, готовымъ платьемъ, мѣхами бѣличьими, горностаевыми, волчьими, кожами и кожевенными издѣліями. Крестьяне привозятъ сюда, хлѣбъ, сухую и соленую рыбу, медъ, сало, масло коровье, веревки, табакъ, дичь, холстъ, дубленныя шубы и полушубки и разныя мелочи домашняго приготовленія.

Многіе жители занимаются сами хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и извозомъ товаровъ.

Въ Каинскѣ какъ и вездѣ, Великій Князь встрѣченъ былъ съ тѣмъ неподдѣльнымъ и

безграничнымъ восторгомъ, описаніе котораго не поддается перу. Жители, кромѣ хлѣба—соли, поднесли Его Высочеству образъ Св. мучениковъ князей Бориса и Глѣба и Св. равноапостольнаго князя Владиміра. Этотъ образъ былъ приготовленъ для поднесенія Великому Князю потому, что по маршруту Онъ предполагалъ провести здѣсь день своего тозоимейства. Выше мы видѣли, что это счастье выпало на долю села Просокова.

Въ 4 часа по полудни, послѣ обѣда, Великій Князь отправился далѣе, приближаясь къ границѣ Тобольской губерніи. День былъ не жаркій, а дорога превосходная; поэтому ѣхали довольно скоро. Въ 9 часовъ вечера Его Высочество былъ уже въ селѣ Покровскомъ, отѣхавъ такимъ образомъ отъ Каинска 73 версты. Мѣстность на всемъ этомъ пространствѣ ровная, безлѣсная, почти степная. По сторонамъ дороги встрѣчаются довольно значительныя озера.

Село Покровское—одно изъ лучшихъ въ Каинскомъ округѣ. Жители его производятъ значительную торговлю мѣстными произведеніями.

Слѣдующій день, четвергъ, 18 Юля, былъ послѣднимъ днемъ пребыванія Его Высочества въ предѣлахъ Томской губерніи. Отъ села Покровскаго до деревни Мураининской, послѣдней къ Тарскому округу, оставалось только 110 верстъ.

Въ 7 часовъ утра Великій Князь былъ въ церкви и въ мѣстной обѣдальнѣ. Въ 8 часовъ Онъ отправился далѣе.

Въ часъ по полудни Его Высочество прибылъ въ село Камышево. Здѣсь, послѣ обѣда, Онъ удостоился милостиво проститься съ Томскимъ Губернаторомъ, предлагая ему не ѣхать

дальше. Однакожь, Губернаторъ счелъ обязанностію проводить Великаго Князя до самой границы вѣренной ему губерніи до деревни Мурашинской. Здѣсь онъ имѣлъ счастье еще разъ откланяться Его Высочеству.

Въ половинѣ 5 часа по полудни поѣздъ Великаго Князя двинулся дальѣ. Черезъ нѣскольکو минутъ, онъ исчезъ уже изъ вида.

IX.

27 Іюля, въ день рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, Томскій Губернаторъ со многими гражданами Томска послалъ Великому Князю въ Тюмень телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Жители всѣхъ сословіи города Томска, совершивъ Господу Богу молебень о здравіи и долгоденствіи Государыни Императрицы, приносятъ Вашему Императорскому Высочеству единодушное поздравленіе съ высокаторжественнымъ днемъ рожденія Августѣйшей Родительницы Вашей и выражаютъ Вамъ, Великіи Князь, сердечную, восторженную благодарность за тѣ драгоцѣнные дни, въ которые Вамъ благоугодно было удостоить Томскъ Своимъ пребываніемъ. Осчастливленные этимъ первымъ Царственнымъ посѣщеніемъ, мы видѣли въ немъ благосклонное знаменіе того, что Отечественному седцу Государя Императора, равно дороги какъ близкія, такъ и далекія страны Его безпредѣльной, Богомъ Ему вѣренной, Россіи. Въ Августѣйшемъ присутствіи Сына нашего Государя исчезали многія тысячи верстъ, насъ отъ Его Величества отдѣляющія, и намъ казалось, что тогда мы были также близки къ Нему пространствомъ, какъ всегда близки вѣрноподданническими сердцами.»

На это Его Высочество удостоилъ 28 числа по телеграфу слѣдующимъ отвѣтомъ:

«Отъ всей души благодарю Васъ и все городское общество за поздравленіе и за добрую память обо мнѣ; дни, проведенные мною въ Вашемъ городѣ, останутся однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моего путешествія по Сибири. Прошу Васъ передать мой поклонъ и мою благодарность Почтенному Ивану Дмитріевичу Асташеву.

Владиміръ»

